Рефлексы праэвенкийского *s в говорах эвенкийского языка во второй половине XVIII в.

Мищенко Карина Олеговна, Институт языкознания РАН (Москва),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва),
Школа лингвистики НИУ ВШЭ (Москва); karinam6@mail.ru

Тунгусские списки в составе «Сравнительных словарей всех языков и наречий» П. С. Палласа (1773 г. записи, 1787—1789 гг. издания) представляют наиболее ранний и репрезентативный лексический материал для диалектологии эвенкийского и эвенского языков. Словарные списки содержат лексику на семи наречиях эвенкийского языка и двух наречиях эвенского языка. Отдельный интерес представляет рукопись А. М. Шегрена (список рукописи 1842 г.), содержащая схожие материалы на семи эвенкийских и двух эвенских наречиях, а также на маньчжурском языке. В статье предпринимается попытка сопоставить лексику, представленную в словарях П. С. Палласа и А. М. Шегрена, установить время и место ее записи, а также уточнить картину распространения диалектов эвенкийского языка во второй половине XVIII в. Анализ материала показал, что рукопись А. М. Шегрена, по всей вероятности, представляет переработанные и расширенные словарные материалы П. С. Палласа за исключением словаря говора эвенков рода Чапогир.

Основное внимание в работе уделено рефлексу праэвенкийского *s как одному из дифференцирующих фонетических признаков диалектов эвенкийского языка. Лексика, зафиксированная в словарях эвенков Мангазеи, Енисейска и рода Чапогир, позволяет выделить изофону шекания для бассейна Енисея. Говоры северобайкальских эвенков Верхней Ангары и забайкальских эвенков Нерчинска также обнаруживают шекующий характер. Лексика, записанная от баргузинских эвенков, свидетельствует о секающем характере говора в анлауте и смешанном (секание и шекание) в инлауте. В наречии нерчинских эвенков может реализоваться в анлауте и инлауте как *s*, так и *f*. Лексика словаря наречия якутских эвенков демонстрирует в анлауте шекание и отдельные примеры секания, в инлауте проявляется дистрибуция *f* и *h*.

Ключевые слова: Паллас, Шегрен, фонетика эвенкийского языка, диалектология эвенкийского языка, праэвенкийский, тунгусо-маньчжурские языки

REFLECTIONS OF THE PROTO-EVENKI *S IN THE EVENKI DIALECTS IN THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY

Karina O. Mishchenkova, Institute of Linguistics, RAS (Moscow),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow),
School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics (Moscow);
karinam6@mail.ru

Tungusic lexical lists within “Comparative dictionaries of all languages and dialects” by P. S. Pallas (1773 year of recording, 1787—1789 years of edition) represent the earliest and most representative lexical material for the dialectology of the Evenki and Even languages. The lists contain vocabulary in seven Evenki and two Even dialects. The subject of considerable interest is also a manuscript of A. J. Sjögren (redrafted in 1842) that contains similar materials in six Evenki and two Even dialects and in Manchu. This article attempts to compare the vocabulary presented in the dictionaries of P. S. Pallas and A. J. Sjögren, to establish the time and place of its recording, as well as to clarify the distribution of the Evenki dialects in the second half of the 18th century. The study reveals that the manuscript of A. J. Sjögren most likely represents the revised and expanded vocabulary materials of P. S. Pallas excepting the list in the Evenki dialect of the Chapogir clan.

The present study focuses primarily on the reflection of the Proto-Evenki *s as one of the differential phonetic features of the Evenki dialects. The data reflected in the dictionaries collected from the Evenki of Mangazeya, Yeniseysk and the Chapogirs allow to highlight the *f* isogloss for the basin of the Yenisei River. The dialects spoken by the North Baikal Evenki of the Upper Angara River and the Transbaikal Evenki of Nerchinsk show the same hushing character. The vocabulary recorded from the Barguzin Evenki testifies the hissing character of the dialect in anlaut and mixed character (*s* and *f*) in inlaut. In the dialect of the Nerchinsk Evenki in anlaut and inlaut there may be reflected *s* as well as *f*. The dictionary of the Evenki dialect recorded on the territory of modern Yakutia demonstrates the *f* reflection and isolated cases of *s* reflection in anlaut and the distribution of *f* and *h* in inlaut.

Keywords: Pallas, Sjögren, Evenki phonetics, Evenki dialects, Proto-Evenki, Tungusic languages

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (рук. В. М. Алпатов).

Эвенкийский язык относится к сибирской подгруппе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи. Эвенки России дисперсно расселены на обширных территориях от бассейна Таза и Оби на западе до Сахалина на востоке и от Таймыра на севере до границ с Китаем на юге [Казакевич, Митрофанова, Рудницкая 2009: 288]. К числу первых фиксаций эвенкийского языка относятся словари и списки, собранные исследователями Н. Витсен (изд. 1692 и 1705 гг.), Д. Г. Мессершмидтом (1723 г.), Г. Ф. Миллером (1735—1740 гг.), Я. И. Линденау (1744—1745 гг.).

Н. Витсен приводит один образец эвенкийского текста, который представляет собой перевод молитвы «Отче наш» [Witsen 1705: 654], выполненный с церковнославянского языка пословно без соблюдения эвенкийского синтаксиса. Родовая принадлежность информанта и место записи материала неизвестны, вследствие чего установить, к какому диалекту относится данный образец, не представляется возможным.

В свою очередь, Д. Г. Мессершмидт записал словарные списки от эвенков енисейско-туруханской, учамско-вивинской, нидымско-турыжской, илимпейско-кочомской и непской групп [Messerschmidt 1964]. Расселение эвенков этих групп соответствует современным ареалам распространения илимпийского диалекта северного наречия и непского диалекта южного наречия эвенкийского языка.

В рамках Великой Северной экспедиции (1733—1743 гг.) Г. Ф. Миллер работал с мангазейскими (илимпийскими) эвенками и забайкальскими эвенками, живущими в степях Нерчинского и Селенгинского уездов [Миллер 1937]. На Дальнем Востоке по программе Миллера сбором лингвистического и этнографического материала занимался Я. И. Линденау. Он опрашивал инородцев в Удском остроге и его окрестностях по р. Уде, Торому и Тугуру [Линденау 1984: 78].

Данные первых фиксаций говоров эвенкийского языка в конце XVII в. и первой половине XVIII в. были рассмотрены в прошлой работе автора [Мищенко 2019]. Проблеме разбора материалов XVIII—XIX вв. по эвенкийской диалектологии посвящены работы А. В. Дыбо [Дыбо 2018], Б. Хабтагаевой [Khabtagaeva 2011].

Тунгусские словари П. С. Палласа

Первую наиболее полную картину по диалектам эвенкийского языка дают «Сравнительные словари всех языков и наречий» П. С. Палласа. В первом издании в двух частях, вышедшем в 1787—1789 годах, было представлено 200 языков и наречий народов Азии и Европы. Словарь включает 273 понятия. Лексика была организована по идеографическому принципу: термины родства, названия частей тела, природных явлений, наименования животных, птиц, абстрактные имена, наречия, глаголы. Отдельным разделом были даны имена числительные от 1 до 10 и 100. В 1790—1791 гг. словарь вышел в четырехтомном издании, дополненном материалами на 30 языках Африки и 23 языках Америки. Структура словаря была изменена, слова различных языков мира располагались в нем в алфавитном порядке.

В первом издании словаря девять тунгусских наречий¹ имеют порядковые номера со 138 по 146. Порядок, в котором П. С. Паллас приводит идиомы, не соответствует картине их распространения от западной границы ареала к восточной. Места расселения различных групп эвенков и эвенов даны приблизительно: Нерчинская область, енисейская округа, мангазейская округа, около Якутска, около Охотска. Сопоставление этих территорий с современными зонами распространения диалектов эвенкийского языка² отражено в таблице 1.

Маршрут экспедиции П. С. Палласа

Основные материалы, составившие «Сравнительные словари всех языков и наречий», были собраны в ходе экспедиции Петербургской Академии наук (1768—1774 гг.) под руководством П. С. Палласа. Первая часть экспедиции проходила в Европейской России, затем в Поволжье, Заволжье, на Урале с продвижением дальше на восток. В Западной Сибири основными пунктами на пути были Тюмень, Курган, Барабинские степи, Омск, Семипалатинск, алтайские рудники и заводы. 14 сентября 1771 г. основной отряд, возглавляемый академиком, отправился из Томска в Красноярск [Маракуев 1877: 133]. С этого момента маршрут экспедиции пролегает через земли эвенков.

¹ В данной работе понятие «наречие» принято для обозначения местных вариантов эвенкийского языка, зафиксированных в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» П. С. Палласа и более позднем источнике А. М. Шегрена (наречия мангазейских, енисейских, нерчинских эвенков и пр.), равно как для обозначения трех групп диалектов эвенкийского языка (северное, южное, восточное наречия).

² Диалектное деление современного эвенкийского языка дано по классификации, уточненной Н. Я. Булатовой [Булатова 2005: 448].

Таблица 1. Сопоставление групп тунгусов из словаря П. С. Палласа и современных диалектов

Номер наречия	Группа тунгусов	Диалект	Наречие
138	Нерчинская область	нерчинский говор витимо-нерчинского д.	южное
139	енисейская округа	сымский д.	южное
140	мангазейская округа	илимпийский д.	северное
141	Баргузин	баргузинский говор витимо-олекминского д.	восточное
142	р. Верхняя Ангара	верхнеангарский говор северо-байкальского д.	южное
143	около Якутска		восточное
144	около Охотска	эвенкий язык	
145	Ламуты	эвенкий язык	
146	род Чапогир	подкаменно-тунгусский д.	южное

Карта 1. Маршрут П. С. Палласа и места записи тунгусских словарей³

³ При подготовке карты за основу была взята схема маршрутов экспедиции П. С. Палласа электронной коллекции «В. М. Ломоносов и академические экспедиции», выполненная в рамках проекта «Подготовка информационных материалов по научному наследию и истории Российской академии наук для размещения на портале РАН» <http://www.ras.ru/lomoexpedition/fea76729-bf14-47e8-b3bf-a1f743e11bcd.aspx>.

Прибыв в Красноярск в октябре, Паллас остался в городе на зимовку, весной путешествие возобновилось. Подробно об этом этапе экспедиции рассказано в третьем заключительном томе «Путешествия по разным провинциям Российского государства» [Паллас 1788]. 7 марта 1772 г. П. С. Паллас отправился в Иркутск, тогда как В. Ф. Зуев получил задание ехать еще зимним путем в Енисейск, а оттуда по вскрытии вод отправиться по Енисею в Мангазею и далее к северу [Паллас 1788: 127]. Дорога из Красноярска до Иркутска заняла 7 дней. 13 апреля отряд Палласа сплавился по Селенге. Далее по реке Уде через Удинск направился в Закаменную Даурию [Маракуев 1877: 149]. Путь пролегал по забайкальским рекам Иноде, Туре и Онону.

23 мая в Акшинске⁴ П. С. Паллас принял тунгусов, которые принесли исследователю дзерен (монгольских газелей) [Паллас 1788: 286]. 30 мая академик присутствовал на камлании тунгусской шаманки. В «Путешествии» приводится подобное описание обряда, а также сообщается о том, что, со слов казаков, ездившие прежде профессора отняли у ее наставника на Ононе шаманское платье, после чего он оставил камлание [Паллас 1788: 305—307].

20 июля экспедиция достигла Селенгинска⁵. Последним пунктом в Даурии П. С. Паллас посетил Кяхту. По Ангаре он вернулся в Иркутск и 1 августа прибыл в Красноярск. 16 августа с основным отрядом воссоединился В. Ф. Зуев, который был послан с особой миссией на север края [Маракуев 1877: 165]. После очередной зимовки в Красноярске весной 1773 г. группа Палласа отправилась в обратный путь. Путешествие закончилось прибытием в Петербург 30 июля 1774 г.

Стоит отметить, что, обследуя Забайкалье, отряд Палласа имел контакты с тунгусским населением, что позволило собрать словарные списки от тунгусов Верхней Ангары (142)⁶, баргузинских (141) и нерчинских (138) тунгусов. В результате путешествия на север края В. Ф. Зуев имел возможность записать лексику от эвенков енисейской округи (139) и мангазейской округи (140) и от эвенков рода Чапогир (146). Однако, как следует из «Путешествий», экспедиция Палласа не достигла округи Якутска, Охотска и побережья Охотского моря, где были зафиксированы слова на трех других тунгусских наречиях (143—145), приведенных в «Сравнительных словарях».

Тунгусские словари в рукописи А. М. Шегрена

В фонде А. М. Шегрена Санкт-Петербургского филиала архива РАН хранится словарь тунгусского языка на восьми наречиях с переводом на латинский язык. Данная рукопись была списана с подлинника в библиотеке Эрмитажа в июне 1842 г.⁷ Российский лингвист финского происхождения А. М. Шегрен заложил основы отечественного финно-угроведения, был первым академиком по финно-угорским языкам в Императорской Санкт-Петербургской академии наук [Туркин 1994: 156] и предпринял многочисленные экспедиции в ареалы проживания финно-угорских народов. Несмотря на то, что Шегрен не посещал Восточную Сибирь, тунгусские языки привлекали его внимание на фоне интереса лингвистического сообщества к теории урало-алтайского языкового родства [Schott 1836; Wiedemann 1838; Castrén 1839]. Академик оказывал поддержку лингвистам эстонского и финского происхождения: Ф. И. Виде-

⁴ Сейчас село Акша Забайкальского края при впадении реки Акша в Онон (бассейн Амура).

⁵ Сейчас поселок Новоселенгинск на левом берегу реки Селенги.

⁶ Здесь и далее в круглых скобках указываются порядковые номера идиомов, как они даны в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» П. С. Палласа.

⁷ В результате оцифровки и ручного распознавания рукописи А. М. Шегрена, выполненных Е. Л. Клячко в рамках проекта ЛингвоДок, словари на шести эвенкийских наречиях (Мангазеи, Енисейска, Верхней Ангары, Баргузина, Нерчинска, Якутии) доступны на сайте виртуальной лаборатории:

Dictionary of Evenki language (Mangazeya) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/1139/perspective/1676/1140/view>

Dictionary of Evenki language (Yeniseysk) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/5/perspective/1676/6/view>

Dictionary of Evenki language (Upper Angara) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/3407/perspective/1676/3408/view>

Dictionary of Evenki language (Barguzin) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/2652/perspective/1676/2653/view>

Dictionary of Evenki language (Nerchinsk) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/1883/perspective/1676/1884/view>

Dictionary of Evenki language (Yakutsk) (Andreas Johan Sjögren based on Peter Simon Pallas' unpublished data) <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1676/3731/perspective/1676/3732/view>

ману, Ф. Р. Кройцвальду, Э. Лённроту, М. А. Кастрену [Бранч 2004: 703]. Перед второй сибирской экспедицией 1845—1849 гг. М. А. Кастрен получил инструкции от А. М. Шегрена. Именно в этой экспедиции в 1848 г. М. А. Кастрен работал в районе Читы с носителями маньковского и урульгинского говоров эвенкийского языка [Castrén 1856: VI]. Записи от нерчинских эвенков легли в основу первой эвенкийской грамматики, составленной Кастреном. В пути Кастрен вел переписку с академиком, сообщая о планах и ходе работы [Богораз-Тан 1927: 19].

В рукописи А. М. Шегрена отсутствует указание на точное место и время записи лексики. Однако единообразие зафиксированного словарного состава и широкий охват различных ареалов тунгусских наречий и языков говорят в пользу того, что запись проводилась в рамках масштабного и высоко организованного экспедиционного мероприятия. Кроме того, все восемь идиомов, приведенных в рукописи А. М. Шегрена, находят отражение в «Сравнительных словарях» П. С. Палласа. Девятый идиом, говор эвенков рода Чапогир, не отражен в записях А. М. Шегрена. Стоит отметить, что по порядковому номеру идиомов чапогирский (146) шел в словаре Палласа после эвенкийских (138—143) и эвенских (144—145)⁸; кроме того, лексика этого наречия в отдельных случаях отличалась от вариантов на других наречиях эвенкийского языка. В отличие от П. С. Палласа, А. М. Шегрен располагает материалы тунгусских наречий в соответствии с картиной их распространения от енисейской округи к побережью Охотского моря.

В своей рукописи А. М. Шегрен приводит и лексику маньчжурского языка, записанную маньчжурским письмом. Маньчжурские слова также включены в словарь П. С. Палласа, но даны в кириллической записи, как и материалы на всех прочих языках. Несмотря на то что маньчжурский язык (163) стоит в словаре достаточно далеко от эвенкийского и эвенского языков (138—145), в предисловии П. С. Паллас отмечает ощутимую близость тунгусских наречий к маньчжурскому языку [Паллас 1787: V].

Сопоставление тунгусской лексики из «Сравнительных словарей» П. С. Палласа и рукописи А. М. Шегрена показывает разительное сходство материала. Особо показательна в этом отношении лексика, иллюстрирующая диалектную вариативность эвенкийского языка.

Слово ‘мышь’ в наречии эвенков енисейской округи приводится в виде *kúmprikonʹ* (П), *kitrikon* (Ш); в наречии эвенков мангазейской округи — *ténpirkànʹ* (П), *tépirkàn* (Ш), *тэпурэ:кэ:н* (лит.)⁹; в наречии баргузинских эвенков — *аникачáнь* (П), *anikatschàn* (Ш), *энуэ:чэ:н* (лит.); на Верхней Ангаре — *петри-качань* (П), *petrikatschàn* (Ш); около Якутска — *шинэрикань*, *шингарикань* (П), *schingerikàn* (Ш), *сиуэрэ:кэ:н* (лит.); у чапогирских эвенков — *шимороконь* (П).

О совпадении материала также говорят одинаковые глагольные формы, порождаемые носителями на стимул, предположительно названный в инфинитиве. Так глагол ‘есть, кушать’, записанный в енисейской округе, дан в форме IMPER2SG *джембжеке́ль* (П), *dschobschékel* (Ш), *девдекэл* (лит.); в мангазейской округе — CVPURP1SG *дэ́ндау* (П), *dsjépdau* (Ш), *девда:в* (лит.); на Верхней Ангаре — CVPURP.RFL *джебдáви* (П), *dschebdáwi* (Ш), *девда:ви* (лит.).

Неправильное восприятие носителем стимула в процессе элиситации временами может стать причиной того, что информант вместо ожидаемого слова породит семантически близкое ему. Наличие одинаковых ошибок такого рода как у П. С. Палласа, так и у А. М. Шегрена служит очередным аргументом в пользу того, что рукопись А. М. Шегрена представляет собой воспроизведение материалов П. С. Палласа. Так, на нерчинском, енисейском, мангазейском и баргузинском наречиях эвенкийского языка слово ‘звезда’ записано как *ошикта* (П), *óschikta* (Ш), *о:сукта* (лит.), в то время как для наречия, распространенного около Якутска, зафиксировано слово со значением ‘созвездие Большой Медведицы’: *зау́лень* (П), *haúlen* (Ш), *хэглун* (лит.). Подобным образом, на стимул ‘есть’ в значении ‘кушать’ для баргузинского словаря были ошибочно получены формы глагола ‘быть’ PRS3SG *биши́нь* (П), *bischin* (Ш), *бисин* (лит.).

В «Сравнительных словарях» П. С. Палласа содержится 273 понятия, не считая числительных. Зачастую некоторые слова не имеют перевода на отдельные наречия и языки. К их числу относятся абстрактная лексика (дух, шар, мера, брань), а также понятия и названия предметов, относящиеся к европейской бытовой культуре (гвоздь, воз, город, межа). Однако, несмотря на эти лакуны, мангазейский и нерчинский словари в рукописи А. М. Шегрена имеют объем в 283 слова (включая числительные). В енисейский словарь входит 234 слова, в якутский — 217, в баргузинский — 210. Самый короткий словарь записан от эвенков Верхней Ангара, его объем составляет 120 слов.

⁸ Анализ эвенских материалов словаря П. С. Палласа по наличию/отсутствию перехода начального и срединного *s > h* как одному из дифференцирующих фонетических признаков диалектов эвенского языка проведен А. А. Бурыкиным [Бурыкин 1985: 32—34].

⁹ Лексика на литературном варианте эвенкийского языка приводится по эвенкийско-русскому словарю, составленному Г. М. Василевич [Василевич 1958].

Таблица 2. Лексика из словаря П. С. Палласа и рукописи А. М. Шегрена

	Енисейск	Нерчинск	Мангазея	Баргузин	Верхняя Ангара	Якутск	Охотск	Ламуты	род Чапогир
Ѣсть (П)	евземь, жебіюль, джембжеке́ль	джебдау	дзѣпдау	бишінь, джофдорь	джебда́ви	джебдау	джебли	джебдаку	жомушинь
ěděre (Ш)	dschobschékel	dschébdau	dsjépdaу	bischin	dschebdáwi	dschebdàu	dschebli	dschebdáku	
земля (П)	дунда	туру	тукала	дунне	тукалагда	дундра	торь	ту́орь	дунда
terra (Ш)	dunda	turu	tukala	dúnne	tukalágda	dúndra	tor	túor	
Богъ (П)	буга	буркань	шевэки	быга	буга, бурхань	шавáки	чэуки	сэуки, амарь	бугá
Deus (Ш)	búga	burkan	schewöki	búga	burekan	schawaki	tshéuki	seuki	
солнце (П)	шиггунь	шивунь	делядзя	дуляча	дуляджа	сигу́нь	ну́лтань	нюлтянь	дылега
sol (Ш)	schíggun	schiwun	deládsja	dūlatscha		ssigúnj	núltan	njultán	
молнія (П)	го́ло, та́лингу	го́лоронь	лю́рги	та́линурань	бугани-утула	о́рилта	чи́ли	си́линь	шерунь
fulgur (Ш)	tálingu	góloron	lúrgi	talínuran		ohýlta	tschili	silin	
велико (П)	хагдынъ, хогдыно, гэкды́нга	га́дынга	го́кдынга	окды́	хогды́	гао́дынга	огджо́нь	эгджа́нь, экжя́нь	хогдыба
magnus (Ш)	hökdinga	hadynga	hókdinga	okdý	chogdý	hagdýnga	egdschàn	ögdschón	

Наличие в рукописи А. М. Шегрена названий рыб, таежных и тундровых животных, некоторых глаголов, а также ряда других лексем, не вошедших в «Сравнительные словари» П. С. Палласа, говорит о том, что при составлении списков лингвист, вероятно, пользовался черновыми материалами своего предшественника. Как у Палласа, так и у Шегрена ударения стоят не повсеместно, однако зачастую у последнего ударения появляются в тех словах, в которых в издании словаря ударений нет, и совпадают с долготами в праэвенкийских и современных формах.

Еще одним отличием рассматриваемых источников является то, что А. М. Шегрен, перерабатывая лексику, собранную П. С. Палласом, как правило, отдает предпочтение одному варианту перевода стимула, в то время как в словаре Палласа подчас приводится несколько разных вариантов перевода (*хулюкунь*, *увикунь*, *ничиконь* (II), *nitschikon* (III), *хулуку:н*, *нитку:н* (лит.) 'маленький' у енисейских эвенков), а также несколько вариантов записи одного слова (*эгджань*, *экжянь* (II), *ögdschón* (III), *эгден* (лит.)¹ 'большой' у ламутов). Кроме того, в своих списках А. М. Шегрен лемматизирует лексемы, стоящие у Палласа в PL, PS. В основном посессивом маркирована лексика, обозначающая части тела, плюралис маркирует парные части тела.

Диалектное распределение и позиции рефлексов праэвенкийского *s

Материалы П. С. Палласа и А. М. Шегрена позволяют уточнить картину распространения диалектов эвенкийского языка во второй половине XVIII в., а также сопоставить эти ареалы с современными. Одним из дифференцирующих фонетических признаков диалектов является рефлекс праэвенкийского *s. На основе данного признака в эвенкийском языке выделяется три наречия: северное (хакающее), южное (секающее и шекающее) и восточное (секающе-хакающее) [Василевич 1948: 10].

В говорах северного наречия в инициальной и интервокальной позиции отражения *s имеют вид велярного спиранта *h* (*hu*: 'вы', *uhi*: 'веревка'). Южное наречие представлено двумя группами говоров: шипящими с рефлексом *f* (*fu*: 'вы', *ufi*: 'веревка') и свистящими с рефлексом *s* (*su*: 'вы', *usi*: 'веревка') вне зависимости от позиции согласного. За основу литературного варианта эвенкийского языка принят полигусовский говор южного наречия. В говорах восточного наречия в анлаутной позиции проявляется *s* и *h*, тогда как для интервокальной позиции в инлауте характерен *h* (*su*: ~ *hu*: 'вы', *uhi*: 'веревка') [Константинова 1964: 4].

Места записи материалов, зафиксированных во второй половине XVIII века, соотносимы с современными ареалами основных диалектов эвенкийского языка [Василевич 1958: 643—646]. Современные варианты эвенкийского, распространенные на этих территориях, относятся ко всем трем наречиям, выделяемым по признаку рефлекса праэвенкийского *s.

Таблица 3. Сопоставление групп тунгусов из словаря П. С. Палласа и современных наречных ареалов

Номер наречия	Группа тунгусов	Диалект	Наречие
140	мангазейская округа	илимпийский д.	хакающее северное
146	род Чапогир	подкаменно-тунгусский д.	секающее южное
139	енисейская округа	сымский д.	шекающее южное
142	Верхняя Ангара	верхнеангарский г. северо-байкальского д.	шекающее южное
138	Нерчинская область	нерчинский говор витимо-нерчинского д.	секающее южное
141	Баргузин	баргузинский г. витимо-олекминского д.	секающее / секающе-хакающее восточное
143	около Якутска	восточное наречие	секающе-хакающее восточное

На разных этапах развития языка и в разных диалектных ареалах праэвенкийский *s приобретал различное качество. Варианты отражений *s в словарях П. С. Палласа и А. М. Шегрена в основном имеют вид глухого альвеолярного и палато-альвеолярного сибиланта. Велярный спирант как рефлекс *s, характерный для современного северного наречия эвенкийского языка, в этих словарях не встречается.

¹ Лексика на литературном варианте эвенского языка приводится по эвенско-русскому словарю [Роббек В. А., Роббек М. Е. 2015].

Карта 2. Рефлексы *s в современных говорах эвенкийского языка в районах записи словарей П. С. Палласа

В говоре баргузинских эвенков зафиксирован сибилант *s*: *с'уко* (II), *с'уко* (III), *сукэ* (лит.) **sak-pi*² 'топор'. В ряде случаев, вероятно, чтобы избежать эффекта немецкой орфографии, в которой начальное одиночное *s* читается как [з], А. М. Шегрен передает рефлекс **s* в анлауте диграфом *ss*: *сукэ* (II), *ssukö* (III) у нерчинских эвенков; *сигунь* (II), *ssigunj* (III), *сигун* [Василевич 1958: 350] **sigün* 'солнце' у якутских эвенков. У П. С. Палласа подобные диграфы не используются. Кроме того, в словарях встречается палатализованный *s*: *есья* (II), *esja* (III), *э:са* (лит.) **ñia-sa* 'глаз' у баргузинских эвенков. Во всех наречиях, представленных у Палласа, в местоимении 'ты' фигурирует сибилант *f*: *uu* (II), *schi* (III), *cu* (лит.).

Наречие эвенков енисейской округи

Первым в списках А. М. Шегрена и самым западным наречием, зафиксированным в рассматриваемых источниках, является наречие эвенков енисейской округи. Северный маршрут по Восточной Сибири в экспедиции П. С. Палласа осуществлял В. Ф. Зуев. 7 марта 1772 г. по заданию руководителя экспедиции он отбыл из Красноярск в Енисейск. По свидетельству В. Ф. Зуева, тунгусы, проживающие по Енисею, представляют собой многочисленный народ. Примерно 800 эвенков приписано к Енисейску [Паллас 1788: 448].

Территории к западу от Енисея между Обью и Енисеем, к югу от р. Елогуй (левый приток Енисея) и р. Тым (правый приток Оби) и на юге несколько южнее б. Обь-Енисейского канала в XX веке относи-

² Здесь и далее под астериском приводятся реконструированные формы пратунгусо-маньчжурской лексики по материалам базы данных алтайских этимологий, составленной С. А. Старостиным, А. В. Дыбо и О. А. Мудраком (<http://starling.rinet.ru>).

лись к ареалу сымского диалекта эвенкийского языка [Василевич 1948: 56]. Сымский диалект относится к шипящей подгруппе южной сибилантной группы диалектов эвенкийского языка. На сегодняшний день, по данным экспедиции 2009 г. под руководством О. А. Казакевич, число носителей сымского диалекта не превышает 10 человек. Эти эвенки проживают в Верхнекетском районе Томской области.

По этнографическим данным Г. М. Василевич, расселение тунгусов на левобережье Енисея происходило в XVIII в. из Приангарья. Около 1720—1730 гг. с юга на левый берег Енисея переселились эвенки рода Кима, а к концу XVIII в. туда перекочевали эвенки рода Чэмба [Василевич 1931: 133]. В свою очередь, Б. О. Долгих делает предположение о переходе части рыбенских тунгусов на левобережье Енисея уже в 1690—1720 гг. [Долгих 1960: 443]. Опираясь на данные языка и фольклора, Г. М. Василевич отмечает, что сымские эвенки еще до прихода русских составляли большую группу, кочевавшую к западу и к востоку от Енисея на широте всех трех Тунгусок [Василевич 1948: 56].

Лексика, почерпнутая из словаря П. С. Палласа и списка рукописи А. М. Шегрена, также иллюстрирует шипящее произношение сибиланта в говоре енисейских эвенков во всех позициях. Поскольку слово *сокдондо* (П), *schókdondó* (Ш), *сэ:гдэ:ннэ* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’ в издании П. С. Палласа представляет собой единственный случай фиксации s как рефлекса *s в говоре енисейских эвенков, причем в записи А. М. Шегрена оно фигурирует с f, я склоняюсь к тому, чтобы рассматривать запись через s как опечатку.

Помимо шекающего варианта *иуко* (П), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’, в наречии енисейских эвенков также встречается переход *s > t *тукка* (П), *tikka* (Ш), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’. Данный фонетический процесс на примере этой же лексемы *тыке* описывает в аянском диалекте восточного наречия Г. В. Василевич [Василевич 1948: 337].

■ f в анлауте:

шарды, *шагды* (П)³, *сагды* (лит.) **sag-da-* ‘старый’;
шаримикта (П), *сарими:кта* (лит.) **sarimi:-* ‘бровь’;
шеидыль (П) ‘латы’ от **sele* ‘железо’;
шелюрь (П), *селун* (лит.) ‘ноздри’ (в записи П. С. Палласа в PL), ср. с эвен. *hæ:лун*, нег. *селун*, уд. *са-лу(н-)* [ТМС II: 70];
шерь (П), *schen* (Ш), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’ (в записи П. С. Палласа в PL);
иш (П), *sch* (Ш), *си* (лит.) **si:* ‘ты’;
ишгаринь (П) ‘зеленый’, *schíngarin* (Ш), *сиңарин* (лит.) **siŋa-(ri-)* ‘желтый’;
ишгунь (П), *schíggun* (Ш), *сигун* [Василевич 1958: 350] **sigūn* ‘солнце’;
ишлингга, *ишгилгень* (П), *schíggilgen* (Ш) ‘снег’, *сиңилгэн* (лит.) **süñi-* ‘снежная крупа’;
ишруги (П), *schirrug* (Ш), *сируги* (лит.) **siru-* ‘песок’;
ишогорань (П) ‘воплъ’, *сагисоран* (лит.) **sag-* ‘крикнуть-NFUT-3SG’;
иш (П), *sch* (Ш), *су:* (лит.) **su:* ‘вы’;
ишунта (П), *сунта* (лит.) **suŋta* ‘глубокий’;
ишурьколь (П), *schurukel* (Ш), *сурукэл* (лит.) **suru-* ‘уйти-IMPER2SG’;
schangárgi (Ш) ‘окно’, *саңа:р* (лит.) **saŋa-* ‘отверстие’;
schangnjan (Ш), *саңнян* (лит.) **saŋŋan* ‘дым’;
schelle (Ш), *сэлэ* (лит.) **sele* ‘железо’;
scheluktal (Ш), *силуктал* (лит.) **silu-hta* ‘кишка-PL, внутренности’;
schimúlakal (Ш), *симу:ла:кал* (лит.) **sim-* ‘молчать-IMPER2SG’;
schiru (Ш) ‘жеребец’, *сиру:* (лит.) ‘самец-производитель’, ср. нег. *хипа* [ТМС II: 96];
schokdscho (Ш), *сэгден* (лит.) **sig-* / *seg-* ‘дикий северный олень’, ср. с *schókdscho* [Миллер 2009: 223];
schóktaon (Ш), *сэктэву:н* (лит.) ‘постель’ от **seg-* ‘подстилать’;
schongódschem (Ш), *соңодем* (лит.) **soŋa* ‘плакать-IPFV.NFUT.1SG’;
schun (Ш), *сун* (лит.) **su:n* ‘зимняя одежда’.

Особого внимания заслуживает f в анлауте слова *иштыкишаль* (П) ‘гнилушки; перегнившая сердцевина дерева, трут’. Помимо слова *иштыкишаль*, записанного от енисейских эвенков, в словарной статье П. С. Палласа в говоре эвенков рода Чапогир фигурирует вариант *ишлтыхьша*. В XX в. в сымском диалекте это слово сохранилось в виде *ишлтыкиша*. Кроме того, в других говорах и диалектах эвенкийского языка данная лексема зафиксирована в виде *хилтыкишэ*, *илтыкиша*. Однако, если обратиться к материалам близкородственных тунгусо-маньчжурских языков, то реализация рассматриваемого звука в анлауте

³ Неприведенный вариант записи по «Сравнительным словарям» П. С. Палласа или списку рукописи А. М. Шегрена свидетельствует об отсутствии слова в соответствующем источнике.

в ульчском языке (*ниты*), равно как и афере́за в северо-байкальском и баргузинском диалектах (*илты*), указывает на пратунгусо-маньчжурский **p* [Василевич 1958: 538]. Таким образом, диалектный вариант слова у енисейских эвенков может иллюстрировать нетипичный для эвенкийского языка локальный переход $h > f$ или $h > *s > f$. Примечательно также, что слово в словаре П. С. Палласа появляется как ослышка в статье ‘труд’.

Для инлаутной интервокальной позиции в говоре енисейских эвенков также характерно шеканье. Однако в слове *аджіу* (П), *ádschiu* (Ш), *аси:в* (лит.) **asi*: ‘женщина, жена-PS1SG’ праэвенкийское **s* приняло вид звонкой альвеоло-палатальной аффрикаты: ср. *dschákda* (Ш), *дягда* (лит.) **žagda* ‘сосна’ в наречиях енисейских, якутских и нерчинских эвенков.

▪ ***f* в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

ашаткáнь (П), *aschatkàn* (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девочка, дочь’ от **asi*:;
aschikta (Ш), *аси:кта* (лит.) **xasi*:-*кта* ‘ель’;
ешал (П), *óscha* (Ш), *э:са* (лит.) **hia*-*sa* ‘глаз’ (в записи П. С. Палласа в PL);
öschiünang (Ш), *эси: инэу* (лит.) **esi*: ‘сейчас полдень’;
ошукта (П), *óschikta* (Ш), *о:сикта* (лит.) **xo*:-*si*-*кта* ‘звезда’;
murin úschin (Ш), *мурин уси:н* (лит.) **usi*:- ‘упряжь, лошадь.недоуздок-PS3SG’.

▪ ***f* в инлауте в интервокальной позиции в суффиксе:**

Суффикс *-si*:- образует формы вспомогательного глагола и глагола отрицания в настоящем времени, имеет параллели с ороц. *-si*, уд. *-hi*, эвен. *-sə* (в настоящем времени) и *-si* (в прошедшем времени) [Василевич 1958: 778]:

oschimadschire (Ш), *эси:м а:депэ* (лит.) ‘я не сплю’ NEG-NFUT-1SG спать-IPFV-PNEG;
oschim itschétte (Ш), *эси:м ичэттэ* (лит.) ‘я не вижу’ NEG-NFUT-1SG видеть-DUR-PNEG.

Суффикс имени состояния и признака *-si*:-, ср. эвен. *-si*:-
nórischin (Ш), *нэ:ри:* (лит.) ‘светлый’.

▪ ***f* в инлауте в консонантном сочетании в корне:**

tuuschákki (Ш), *туксаки:* ‘заяц’ от **tuksa*- ‘бежать’.

▪ ***f* в инлауте в консонантном кластере в суффиксе *-k/V*:**

imugscha (Ш), *иму:ксэ* (лит.) **ximū*-*ηkse* ‘животный жир’;
túgschu (Ш), *туксу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugi*- ‘покрыться облаками, затянуться тучами’.

При сопоставлении данных П. С. Палласа 1772 г., Г. М. Василевич 1930—1940-х гг. и аудиословарей, записанных в экспедиции под руководством О. А. Казакевич в 2009 г.⁴, прослеживается сохранение в диахронии шипящего характера сымского диалекта во всех позициях.

Наречие эвенков мангазейской округи

После посещения Енисейска В. Ф. Зуев, работавший по северному маршруту в экспедиции П. С. Палласа, углубился в Илимпейскую тундру и Затундру и посетил Мангазею. В. Ф. Зуев сообщает число мангазейских эвенков. По его данным, к Мангазее было приписано 1282 человека тунгусского племени [Паллас 1788: 448]. Продолжая сплавать по Енисею, Зуев спустился по течению на 660 км от Мангазеи, не достигнув побережья Карского моря, до которого оставалось около 340 км.

Территориям, исследованным Зуевым, соответствует ареал современного илимпийского диалекта северной группы диалектов эвенкийского языка, который имеет последовательно хакающий характер. Материалы, собранные от лево- и правобережных эвенков Енисея Д. Г. Мессершмидтом в 1723 г. [Messerschmidt 1964: 72] и Г. Ф. Миллером в 1739 г. [Миллер 2009: 137], свидетельствуют о том, что в тот период рефлекс праэвенкийского **s* в виде велярного спиранта в Илимпее не наблюдалось, а местный вариант эвенкийского языка имел преимущественно сибилантный характер.

⁴ Боярин Григорий Петрович 1954 г. р. Запись производилась в экспедиции 2009 г. в с. Сым Енисейского района Красноярского края.

Таблица 4. Рефлекс праяэвенкийского *s в сымском диалекте в диахронии

	Литературный эвенкийский	Пра- эвенкийский	П. С. Паллас, 1772 г.	Г. М. Василевич, 1930—1940-х гг.	О. А. Казакевич, 2009 г.
ухо	се:н	*sian	fer	fe:n	fe:n
солнце	сигун (вост.)	*sigūn	figgun	fiwun, figun	fiχun
кишка	силукта	*silu-hta	felukta	filukta	
спина	сэ:гдэ:ннэ	*sogda-nsa	fokdondo	fəgdənda	fəgdən
топор	сукэ	*sak-pi	fuko, tūkka	fukə	
заяц	туксаки:	*tuksa-	tu:ʃaki	tu:kʃaʃinan	
бежать	тукса-		‘заяц’	‘побежал’	
женщина, жена	аси:	*asi:	adʒi	aʃi:	
девочка	аса:тка:н	*asi:	aʃatkán	aʃatka:n	
ель	аси:кта	*xasi:-hta	aʃikta	aʃekta	
глаз	э:са	*nia-sa	eʃa		éʃa
ноготь	оси:кта	*xosi:-hta	oʃikta		oʃi:hta
звезда	о:сикта	*xo:si-hta	ófikta	oʃin	ó:ʃikta

В связи с этим Г. М. Василевич отмечает, что в XVIII в. территория распространения шипящего диалекта была значительно шире современной: севернее, заходя в зону лесотундры, и южнее широты устья р. Ангары [Василевич 1948: 56]. Подобная обширность ареала шекающего наречия в XVIII в. может быть объяснена тем, что заселение Мангазейского уезда эвенками произошло в XVII в. в результате переселения группы эвенков севера современного Красноярского края и Иркутской области, отчасти также эвенков Томской области [Долгих 1960: 120].

Списки, собранные В. Ф. Зуевым в рамках экспедиции П. С. Палласа в 1772 г., также показывают последовательное шеканье во всех позициях.

■ *ʃ* в анлауте:

schángnjän (Ш), *са́нъян* (лит.) **saŋjan* ‘дым’;

schéhta (Ш), *сэ́кта* (лит.) **siakta* ‘ива’;

schelúhta (Ш), *силу́кта* (лит.) **silu-hta* ‘кишка’;

schewöki (Ш), *сэ́вэки*: (лит.) **sebe* ‘Бог’;

schingereldiün (Ш) ‘летучая мышь’, *си́уэ:рэ:лды:вун* (лит.) ‘птица мышелов’, ср. с *sengoroldybhun* в говорах эвенков илимпейско-кочомской группы (от устья Илимпеи до Тетеи) [Messerschmidt 1964], от эвенк. *си́уэ:рэ:кэ:н* ‘мышь’, эвен. *hiuъркэ:н*, нег. *си́уэ:рэ:*; ульч., орок., нан. *си́уэ:рэ:*, ороц. *си́уэ:*, ма. *си́уэхун*;

schokdóndo (П), *сэ́:гдэ:ннэ* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’;

schokdscho (Ш) ‘дикий северный олень’, *сэ́гден* (лит.) **sig-* / *seg-* ‘домашний северный олень’, ср. с *schókdscho* [Миллер 2009: 223];

schoktom, *schoktórem* (Ш), *со́ктом* (лит.) ‘опьянеть-NFUT.1SG’, ср. сол. *со́ктоо-*, нег., ороц., уд., ульч., орок., нан., ма. *со́кто-* [ТМС II: 106];

schöllö (Ш), *сэ́лэ* (лит.) **sele* ‘железо’;

schona (Ш) ‘окно’, *со:на* (лит.) ‘верхнее дымовое отверстие в чуме’, ср. с эвен. *хо:нан*, нег. *со:на*, ороц. *со:но*, ульч. *со:н-*, орок. *со:но*, ма. *сон* [ТМС II 1975: 70];

schulúki (Ш), *сула́ки*: (лит.) **sulaki*: ‘лиса’;

schun (Ш), *сун* (лит.) **su:n* ‘зимняя одежда’, ср. с *schuhn* [Миллер 2009: 137], *schuhn* [Messerschmidt 1964: 72];

séngen (Ш), *се:у́ан* (лит.) **siaŋa-* ‘налим’;

шелéмо (П), *scheléto* (Ш), *сэ́лэмэ* (лит.) ‘сердце’;

шенъ (П), *schen* (Ш), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’;

шýко (П), *schúko* (Ш), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’.

■ **ʃ в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

ašatkáň (П), *aščátkaŋ* (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девочка, дочь’ от **asi:*;
aščikta (Ш), *аси:кта* (лит.) **xasi:-kta* ‘ель’;
eša (П), *éšča* (Ш), *э:са* (лит.) **ńia-sa* ‘глаз’;
ošukta (П), *óščikta* (Ш), *о:сикта* (лит.) **xo:si-kta* ‘звезда’;
úšchi (Ш), *уси:* (лит.) **usi:* ‘веревка’.

■ **ʃ в инлауте в интервокальной позиции в суффиксе:**

Суффикс собирательности *-sa* (*-sə*, *-so*):

moša (П), *mosča* (Ш), *моса* (лит.) ‘лес’ от *мо:* ‘дерево’.

Суффикс имени состояния и признака *-si-*, ср. эвен. *-si-* [Василевич 1958: 778]:

nórischin (Ш), *нэ:ри:* (лит.) ‘светлый’;
hakterásin (Ш), *хактыра:* (лит.) ‘темный’;
njemáschin (Ш), *няма* (лит.) ‘теплый’;
ingínischin (Ш), *иңини:пчу* (лит.) ‘холодный’.

■ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса *-kʃV*:**

urokša (П) ‘кожа’, *урэ:ксэ* (лит.) ‘шкура’ от *урэ:* ‘дикий олень, лось (осеннее название)’ и деривативного суффикса *-ksa*, образующего название шкуры от названия животного;
imúkscha (Ш), *иму:ксэ* (лит.) **ximū-ŋkse* ‘животный жир’;
túkschu (Ш), *туксу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugu-* ‘покрыться облаками, затянуться тучами’.

■ **ʃ в ауслауте:**

gusch (Ш), *гус* (лит.) **gusi* ‘морской орел’.

17 июня 1723 г., ожидая в Мангазее отправления в путь по Нижней Тунгуске, Д. Г. Мессершмидт записывает лексику от местных эвенков. Об этом свидетельствует соответствующая запись в путевом дневнике путешественника⁵. В основном в лексике, записанной Мессершмидтом, праэвенкийский **s* получает шипящий рефлекс либо проявляется промежуточное между *s* и *ʃ* шепелявое произношение сибиланта.

Позднее в экспедиции 1843—1844 гг. с эвенками, кочующими в районе озер бассейна р. Норилка, работал А. Ф. Миддендорф. Образцы лексики, зафиксированные им в середине XIX в., преимущественно шекающего характера: *širulæsa* (Миддендорф), *сиру:ласэни:* (лит.) ‘осень в сентябре’; *šæŋaŋ* (Миддендорф), *се:џан* (лит.) **siaŋa-* ‘налим’; *imúfa* (Миддендорф), *иму:ксэ* (лит.), **ximū-ŋkse* ‘животный жир’. Однако в списке есть также примеры, иллюстрирующие секанье: *siŋanta* (Миддендорф), *сиџама* (лит.) **siŋa-(ri-)* ‘желтый’ [Castrén 1856: 119—136].

При сопоставлении данных Д. Г. Мессершмидта 1723 г., П. С. Палласа 1772 г., А. Ф. Миддендорфа 1843—1844 гг., Г. М. Василевич 1930—1940-х гг. и аудиословарей, записанных в экспедиции под руководством О. А. Казакевич в 2006 г.⁶, в диахронии прослеживается изменение рефлекса праэвенкийского **s* от шекающего к хакающему с сохранением сибиланта в виде *s* в ауслауте.

Наречие эвенков рода Чапогир

Наречие эвенков рода Чапогир, в отличие от прочих приводимых в словаре П. С. Палласа, не сопоставимо с обособленными диалектами современного эвенкийского языка, однако представляет собой специфический говор подкаменно-тунгусского диалекта южного наречия. Говор эвенков рода Чапогир обнаруживает многочисленные фонетические и лексические сходства с двумя другими наречиями, записанными В. Ф. Зуевым в рамках экспедиции П. С. Палласа в бассейне Енисея. Как и в наречиях мангазейских и енисейских эвенков, в рассматриваемом говоре праэвенкийский **s* приобретает шекающий характер.

⁵ “Indessen wurde heute auch ein Tunguse — von denen, so umb die Nižnjaja Tunguska wohnen — zu mir gebracht, dessen Sprache in folgenden bestand” [Messerschmidt 1964: 82].

⁶ Аркадьева Елена Павловна 1929 г. р. Запись производилась в экспедиции 2006 г. в п. Советская речка Туруханского района Красноярского края.

Таблица 5. Рефлекс праэвенкийского *s в илимпийском диалекте в диахронии

		Д. Г. Мессершмидт, 1723 г. Мангазея	П. С. Паллас, 1773 г. Мангазея	А. Ф. Миддендорф, 1843—1844 гг. Озера бассейна р. Норилка	Г. М. Василевич, 1930—1940-е гг. Илимпийский диалект	О. А. Казакевич, 2006 г. п. Советская речка
ива	секта	*siakta	ʃæckta		he:кта	he:кта
лиса	сулаки:	*sulaki:	ʃulá:cki		hulaki:	hulaki:
топор	сукэ	*sak-pi		ʃüko	hukə	hukə
мышь	сиңэрэкэн			ʃiŋerikon	hiŋerə:kə:n, tiŋarakə:n	
ухо	се:н	*sian		ʃen	he:n	he:n
кишка	силукта	*silu-кта		ʃelúкта	hilukta	hilukta
веревка	уси:	*usi:		úʃi	uhi:	uhi:
глаз	э:са	*ńia-sa	öhsáh	éʃa	e:ha	e:ha
женщина, жена	аси:	*asi:	así	asi	ahi:	ahi:
девочка	аса:тка:н	*asi:	asadkán	aʃatkán	ahatka:n	ahatka:n
ель	аси:кта	*xasi:-кта	asíckta	aʃíkta	ahi:кта	ahi:кта
звезда	о:сикта	*xo:si-кта	ósicktah	óʃikta	o:hikta	o:xíkta
морской орел	гус		guʃ	guʃ	gus	

▪ **ʃ в анлауте:**

шагды (П), *сагды* (лит.) **sag-da-* ‘старый’;
шелюръ (П), *селун* (лит.) ‘ноздри’ (в записи П. С. Палласа в РЛ), ср. с эвен. *hæ:lun*, нег. *селун*, уд. *са-лу(н-)* [ТМС II: 70];
шернь (П) ‘ухо-PL-PS3SG’, *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’;
шо (П) ‘воин’, *со:* (лит.) **so:* ‘сильный’;
шогжомекгды (П) ‘рад’, *со сэвдэн* (лит.) **so:* ‘очень веселый, радостный’;
шогдоль (П), *сэ:гдэ:ннэ* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’;
шогоранъ (П) ‘воплъ’, *сагисоран* (лит.) **sag-* ‘крикнуть-NFUT-3SG’;
шуруколь (П), *сурукэл* (лит.) **suru-* ‘уйти-IMPER2SG’.

▪ **ʃ в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

аши (П), *аси:* (лит.) **asi:* ‘женщина, жена’;
еша (П), *э:са* (лит.) **nia-sa* ‘глаз’;
ошикта (П), *óschikta* (Ш), *о:сикта* (лит.) **xo:si-hta* ‘звезда’.

▪ **ʃ в инлауте в интервокальной позиции в суффиксе:**

умушимъ (П) ‘пить’, *умусим* (лит.) ‘пить-INCEP-NFUT-1SG’;
норышинъ (П) ‘свет’, *нэ:ри:* (лит.), ср. *nórischin* (Ш) ‘светлый’ у енисейских и мангазейских эвенков.

▪ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса -kʃV:**

ирекша (П) ‘кожа’, *ирэ:ксэ* (лит.) ‘шкура’ от *ирэ:* ‘дикий олень, лось (осеннее название)’ и деривативного суффикса *-ksa*, образующего название шкуры от названия животного, ср. *ирокша* (П) у мангазейских эвенков.

▪ **s в инлауте в консонантном кластере суффикса:**

оускиасукунъ (П) ‘высота’, *угиски асука:н* ‘вверх немного’.

Эвенки рода Чапогир упоминаются в ясачных книгах за 1629 г. В тот период чапогирские тунгусы сдавали ясак в Мезенском зимовье на устье р. Таймуры [Долгих 1960: 163]. Однако уже в начале XVIII в. на Подкаменной Тунгуске появилось Чапогирское зимовье, находившееся на 150 км ниже Чунского зимовья [Долгих 1960: 124]. В начале XX в. в окрестностях стойбища эвенков рода Чапогир у слияния рек Кочечум и Нижней Тунгуски была открыта единственная в округе купеческая лавка. В 1924 г. в одной из прежних купеческих изб начал свою работу Илимпейский волисполком. На его базе в 1927 г. открыли Туринскую культбазу, ставшую первой на Крайнем Севере Тунгусской культурной базой Комитета содействия малым народностям северных окраин Красноярского округа¹.

Статус административного центра Эвенкии привел к тому, что в Туру съезжались носители разных говоров и диалектов, поэтому образцы речи, записанные в этом поселке, не соответствуют говору исконных жителей этих мест. Тем не менее, в экспедиции 2014 г. под руководством О. А. Казакевич в п. Юкта был записан аудиальный словарь от Чапогир Лидии Гавриловны 1966 г. р. Уроженка п. Нидым идентифицирует себя с родом Чапогир; в ее говоре наблюдаются черты, отличные от других говоров подкаменно-тунгусского диалекта.

В говоре Л. Г. Чапогир в анлауте равно представлены велярные спиранты и свистящие сибиллянты, в то время как в инлауте в интервокальной позиции и в сочетаниях *-ks-*, *-sk-* проявляется секанье. Наличие черт как хакания, так и секания может быть рассмотрено как переходный вариант от зоны хакающего северного наречия к секающему южному.

В 1723 г. Д. Г. Мессершмидт зафиксировал в своих путевых дневниках языковые данные, полученные от эвенков енисейско-туруханской, учамско-вивинской, нидымско-турыжской и илимпейско-кочомской групп. Эти материалы показывают, что в говоре нидымско-турыжской группы на фоне шекающих и секающих говоров ареала вместе с шеканием возникает чеканье. Однако лексика, записанная в этой местности спустя полвека помощником П. С. Палласа, не обнаруживает отличий от прочих говоров бассейна Енисея.

¹ Литвинова В. Начало начал / Архивное агентство Красноярского края, 2019 г. (http://красноярские-архивы.рф/articles/stati_arhivistov/628).

Таблица 6. Рефлекс праэвенкийского *s в говоре эвенков рода Чапогир в диахронии

			Д. Г. Мессер- шмидт, 1723 г.	П. С. Паллас, 1773 г.	О. А. Казакевич, 2014 г.
новорожденный	со:нжа:т	*so:n-ŋa-	tschonngakon		
дикий олень					
кровь	сэ:ксэ:	*sēgV-			hókso
спина	сэ:гдэ:ннэ	*sogda-nsa		ʃogdól	
мышь	сиңэрэкэн		tschingrekan	ʃimorokop	
Бог	сэвэки:	*sebe	tschavaki		
ноздря	сёлун			ʃelun	
бровь	сарими:кта	*sarimi:-		ʃarimikda	sarimikta
ухо	се:н	*sian		ʃern	s'er
крик, вопль		*sag-		ʃogoran	
молния		*siarū-		ʃerup	
камень	хисэ	*pias-	hischa		
дыра	сажа:р	*saŋa-			heŋara
старый	сагды	*sag-da-		ʃagdi	
красная минераль- ная краска			dowauekscha		
кишка	силукта	*silu-hta			silutta
постель	сэктэву:н	*seg-			həktəwɔ:n
ива	секта	*siahta			sekta
сейчас, теперь	эси:				osi:kə:kə:n
глаз	э:са	*ńia-sa		éfa	esa
женщина, жена	аси:	*asi:		aʃi	
девочка	аса:тка:н	*asi:		aʃatka	
ноготь	оси:кта	*xosi:-hta		oʃikta	
звезда	о:сикта	*xo:si-hta		oʃikta	o:sikta
шкура	ирэ:ксэ			irekʃa	irəksə
облако	туксу	*tuge-			tuksu:
назад	амаски:				amaski:

Наречие нерчинских эвенков

Нерчинский уезд находился к востоку от Яблонового хребта и приблизительно совпадал в границах с современной Читинской областью [Долгих 1960: 327]. Вследствие того, что Нерчинский уезд был отделен от остальной Сибири Яблоновым хребтом, эвенков этой местности называли закаменными или даурскими эвенками. П. С. Паллас дает описание даурских степных тунгусов Нерчинского уезда, которые называют себя «донки» или «оивенки».

Исследователь обращает внимание на значительную ассимиляцию эвенкийского населения бурятами и монголами. Об этом свидетельствуют многочисленные заимствования из монгольских языков в эвенкийском наречии нерчинских эвенков: *burkan* (Ш) 'Бог' от п.-мо. *burxan* [ТМС I: 113]; *kóko* (Ш) 'зеленый, синий' от п.-мо. **köke*²; *bulàk* (Ш) 'родник', ср. с бур. *булаг* [Черемисов 1973: 110]. Кроме того, П. С. Паллас указывает на процесс утраты эвенками своего языка, подчеркивая, что эвенкийским владеют только старики. Кроме того, ученый отмечает, что по-русски тунгусы говорят лучше бурят, изъясняясь свободно и ясно, но небыстро.

В 1712 г. плательщиков ясака среди тунгусов Нерчинского уезда насчитывалось 1278 человек [Долгих 1960: 335]. Местные тунгусские роды сдавали ясак тоюнам³, которые, в свою очередь, отвозили его

² Здесь и далее под астериском приводятся реконструированные формы прамонгольской лексики по материалам базы данных алтайских этимологий, составленной С. А. Старостиным, А. В. Дыбо и О. А. Мудраком (<http://starling.rinet.ru>).

³ Тоюн (от якут. *tojon*) — господин, владыка; лицо, облеченное властью, должностная особа, правитель, чиновник, администратор, князь, князец [Пекарский 1958—1959: 2706]; в эвенкийском словаре М. А. Кастрена, составленном по маньковскому и урульгинскому говорам нерчинских эвенков, *nojon* 'господин' [Castrén 1856: 104].

в Нерчинск. П. С. Паллас отмечает, что прежде тунгусы, расселявшиеся по р. Аргуни, Онону и Ингоде, были богаты скотом, но войны с монголами и эпидемия оспы разорили их. Обедневшие тунгусы нанимались к русским в батраки. От ясака донки тайно уходили в китайскую Даурию, где также было тунгусское население. [Паллас 1788: 330—333]. Повинности инородцев не ограничивались ясаком. Паллас сообщает, что 400 нерчинских тунгусов было взято в казачью службу, чтобы нести караулы по Аргуни и Онону [Паллас 1788: 275].

Материалы, собранные П. С. Палласом от нерчинских эвенков, показывают, что вне зависимости от последующего гласного рефлекс праэвенкийского *s может реализоваться и как s, и как f.

■ s в анлауте:

sánger (Ш), ‘окно’, *сага:р* (лит.) **saŋa-* ‘отверстие’;
ségeb (Ш), *сэгэв* (лит.) **segep* ‘соболь’;
séktau (Ш), *сэктэву:н* (лит.) ‘постель’ от **seg-* ‘подстилать’;
sélukta (Ш), *силукта* (лит.) **silu-hta* ‘кишка’;
serúgi (Ш), *сируги* (лит.) **siru-* ‘песок’;
cigu (П), *siggi* (Ш), *сиги:* (лит.) **sigi* ‘чаша’;
синъ (П), *sin* (Ш), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’;
sirä (Ш) ‘стул, скамья’, *ширэ* (лит.) ‘постель’;
soktó (Ш), *сокто* (лит.) ‘опьянеть-NFUT.1SG’, ср. сол. *соктоо-*, нег., ороч., уд., ульч., орок., нан., ма.
сокто- [ТМС II: 106];
sókdscha (Ш), *сэгден* (лит.) **sig-* / **seg-* ‘дикий северный олень’;
сукэ (П), *ssukö* (Ш), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’.

■ f в анлауте:

schèle (Ш), *сэлэ* (лит.) **sele* ‘железо’;
schégingki (Ш) ‘окно’, *сигин* (лит.) **sigi-* ‘отверстие’;
иш (П), *schí* (Ш), *си* (лит.) **si:* ‘ты’;
шивунъ (П), *schíwun* (Ш), *сигун* [Василевич 1958: 350] **sigün* ‘солнце’;
schiksche (Ш) ‘вечер’, *schíckscha* (Ш) ‘поздно’, *сиксэ* (лит.) **sikse* ‘вечер, сумерки’;
schimúlakal (Ш), *симу:ла:кал* (лит.) **sim-* ‘молчать-IMPER2SG’;
schingarín (Ш), *сиңарин* (лит.) **siŋa-(ri-)* ‘желтый’;
schongom (Ш), *соном* (лит.) **soŋa* ‘плакать-NFUT.1SG’;
иу (П), *schu* (Ш), *су:* (лит.) **su:* ‘вы’;
schûn (Ш), *сун* (лит.) **su:n* ‘зимняя одежда’.

■ f в инлауте в корневой интервокальной позиции:

aschi inengü (Ш), *эси: инэн* (лит.) **esi:* ‘сейчас полдень’
óschikta (Ш), *о:сикта* (лит.) **xo:si-hta* ‘звезда’;
áschinap (Ш), *а:синан* (лит.) ‘спать-INCEP-1PL.INCL’;
aschadschikan (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девочка’ от **asi:*;
aschi (Ш), *аси:* (лит.) **asi:* ‘женщина, жена’;
aschiktà (Ш), *аси:кта* (лит.) **xasi:-hta* ‘ель’.

■ s в инлауте в корневой интервокальной позиции:

isal (Ш), *э:сал* (лит.) **íia-sa* ‘глаз’ (в записи А. М. Шегрена в PL);
gussikà (Ш), *гускэ* (лит.) ‘волк’, ср. с *gúschkoh* (Ш) у мангазейских эвенков;
ússi (Ш), *уси:* (лит.) **usi:* ‘веревка’.

■ s в инлауте в консонантном сочетании корня:

tóksjaki (Ш), *туксаки:* ‘заяц’ от **tuksa-* ‘бежать’.

■ f в инлауте в консонантном кластере суффикса

Суффикс *-ski:* как вариант *-tki:* является показателем аллатива [Василевич 1958: 789]:
amáschiki (Ш), *амаски:* (лит.) ‘назад’.

Суффикс *-ksa*, его сингармонизированные алломорфы (*-ksə*, *-kso*) и диалектный вариант *-kta* служат для образования имен, обозначающих массу однородного материала:

tóksche (Ш), *туксу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugu-* ‘покрыться облаками, затянуться тучами’.

■ *ʃ* в инлауте в интервокальной позиции в составе глагольного суффикса

Эвенкийский суффикс *-si:*, образующий формы глагола отрицания и глагола ‘быть’ в настоящем времени, имеет параллели с ороц. *-si*, уд. *-hi*, эвен. *-sə* (в настоящем времени) и *-sɪ* (в прошедшем времени) [Василевич 1958: 778]:

aschimaschina (Ш), *эсим а:сина* (лит.) ‘NEG-NFUT-1SG спать-INCEP-PNEG’;

aschim itscheschire (Ш), *эсим ичэдерэ* (лит.) ‘NEG-NFUT-1SG видеть- PNEG’;

bischin (Ш), *бисин* (лит.) ‘быть-NFUT-3SG’.

На сегодняшний день на территории Нерчинского уезда распространен нерчинский говор витимо-нерчинского (баунтовско-талочского) диалекта, принадлежащий к секающему южному наречию эвенкийского языка [Булатова 2005: 448].

Первые данные по этому говору были собраны Г. Ф. Миллером летом 1735 г. посредством личных бесед с инородцами [Андреев 1937: 64]. Предшественник Палласа 40 годами ранее также отмечает, что «тунгусы в Нерчинском уезде говорят больше на монгольском, чем на своем собственном тунгусском языке» [Миллер 2009: 64].

В работе «Об инородцах Амурского края» 1883 г. Л. Шренк приводит различные варианты названия реки Амур, используемые тунгусскими племенами амурского бассейна: Шилкар, Шилкир, Силкар, Силкир и Сиркал [Шренк 1883: 150]. Г. Ф. Миллер фиксирует гидроним в произношении нерчинских эвенков как Шилкир [Миллер 1937: 177]. Спустя чуть более века М. А. Кастрен отмечает, что в нерчинском говоре *s* перед *i* приобретает шекающий характер, но сохраняет секающее качество в остальных позициях: *ifim* (Кастрен), *исим* (лит.) ‘достичь-NFUT-1SG’; *istsəf* (Кастрен), *исчэ:в* (лит.) ‘достичь-PST-1SG’.

При этом в словаре П. С. Палласа перед *i* преобладает *ʃ*: *schingarín* (Ш), *сиуарин* (лит.) **siŋa-(ri-)* ‘желтый’; *schimulákal* (Ш), *симу:ла:кал* (лит.) ‘молчать-IMPER2SG’; *auu* (П), *аси:* (лит.) **asi:* ‘жена’. Но есть и примеры сочетания сочетаний *si:* *синь* (П), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’; *siggi* (П), *сиги:* (лит.) **sigū* ‘чаща’; *ýci* (П), *уси:* (лит.) **usi:* ‘веревка’.

В 1848 г. в районе Читы М. А. Кастрен посвятил около 3—4 месяцев работе с носителями маньковского и урульгинского говоров эвенкийского языка. В результате полевого исследования Кастрен подготовил две тетради грамматических и словарных записей, легших в основу первой грамматики эвенкийского языка [Castrén 1856: VI]. Лингвист отмечает, что, как и в контактирующем с эвенкийским бурятском языке, в говоре нерчинских эвенков *h* часто заменяет собою *s*: *-sun* ~ *-hun* ‘PS2SG’, *a:sinam* ~ *a:hinam* ‘спать-INCEP-1SG’ [Castrén 1856: 4], ср. с шекающими примерами П. С. Палласа: *áschinap* ‘спать-INCEP-1PL.INCL’, *aschimaschina* (Ш), *эсим а:сина* (лит.) ‘NEG.NFUT.1SG спать-INCEP-PNEG’.

В бурятском языке, в отличие от других языков этой семьи, рефлекс прамонгольского **s* приобретает спирантное качество. Такой же переход **s* > *h* наблюдается и в записанной П. С. Палласом эвенкийской лексике монгольского происхождения: *dawussún* (Ш), *давахун* (лит.) ‘соль’, ср. с п.-мо. **dabu-s*, бур. *dabha(n)*.

С лета 1919 г. до весны 1926 г. с тунгусским населением Ленско-Киренского, Северо-Байкальского и Витимо-Нерчинского районов работал Е. И. Титов. На основе лексических и фонетических особенностей Титов выделил говоры тутуро-ачеульских, северо-байкальских, витимских и нерчинских эвенков. К последней группе эвенков ученый отнес роды Бултэгий и Туруягий [Титов 1926: VII—IX]. Лексика, записанная от представителей этих родов, показывает исключительно секающий характер говора. Обобщение данных по рефлексу праэвенкийского **s* по материалам XVIII—XX вв. представлено в таблице 7.

Наречие эвенков Верхней Ангары

В Забайкалье П. С. Паллас ознакомился с тремя группами тунгусов: верхнеангарскими, нерчинскими и баргузинскими эвенками. По современной классификации верхнеангарский говор относится к северо-байкальскому диалекту южного наречия. Записи П. С. Палласа указывают на шекающий характер говора в XVIII в.

■ *ʃ* в анлауте:

schegèff (Ш), *сэгэв* (лит.) **segep* ‘соболь’;

schéle (Ш), *сэлэ* (лит.) **sele* ‘железо’;

Таблица 7. Рефлекс пражвенкийского *s в нерчинском говоре витимо-нерчинского диалекта в диахронии

		П. С. Паллас, 1773 г.	А. М. Кастрен, январь—июль 1848 г.	Е. И. Титов, 1919—1926 гг.
топор	сукэ	*sak-pi	sukə	sukaŋʃan
ты	си	*si	ʃi	si
вы	су:	*sū	ʃu	su
ухо	се:н	*sian	sin	sən
чаща	сиги:	*sigū	sigi	sihi
шуба	сун	*sūn	ʃun	su:n
соболь	сэгэв	*segep	ségeb	səgəf
шаман	самāн	*samā-n	saman	saman
веревка	уси:	*usi:	úsi	uʃi
глаз	э:са	*ńia-sa	ísa	əsa
жена	аси:	*asi:	aʃi	osi
облако	туксу	*tuge-	tókʃe	tuksam

schi (Ш), *си* (лит.) *si: ‘ты’;

schokto (Ш), *сокто* (лит.) ‘пьяный’, ср. сол. *соктоо-*, нег., ороч., уд., ульч., орок., нан., ма. *сокто-* [TMC II: 106];

schongòm (Ш), *соном* (лит.) *soŋa ‘плакать-NFUT.1SG’;

schun (Ш), *сун* (лит.) *su:n ‘зимняя одежда’;

schurugòtt (Ш), *сурувот* (лит.) ‘уйти-IMPER1PL.INCL’.

■ **ʃ в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

aschadka (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девочка, дочь’ от *asi:;

aui (П), *aschi* (Ш), *аси:* (лит.) *asi: ‘женщина, жена’;

éscha (Ш), *э:са* (лит.) *ńia-sa ‘глаз’.

■ **s в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

ossityrga (Ш), *эси:-тырга* (лит.) *esi: ‘сейчас день’.

■ **ʃ в инлауте в консонантном кластере:**

guschko (Ш), *гускэ* (лит.) ‘волк’;

tukschaki (Ш), *туксаки:* ‘заяц’ от *tuksa- ‘бежать’.

По преданию, сохранившемуся у забайкальских тунгусов, до прихода русских и вторжения в эти края бурятского населения предки эвенков занимали все пространство к востоку от Байкала, по Амуру, Шилке, Аргуни и впадающим в них рекам [Спасский 1822: 23]. В 1646 г. в устье р. Верхней Ангары был построен Верхнеангарский острожек Баргузинского острога. На тот момент число эвенков в его районе составляло 751 человек.

С XVII в. по начало XX в. сохранялась несомненная преемственность в отношении занимаемой территории в бассейне р. Верхней Ангары, где верхнее течение реки занимали тунгусы Чильчагирского рода, а ее низовья и Байкал — тунгусы Киндигирского рода. Территория верхнеангарских тунгусов охватывала территорию современного Северо-Байкальского района Бурятии, выходя за его пределы в сторону р. Чаи, Чуи, Мамы, и осваивалась ими в этих границах вплоть до первой четверти XX в. [Сирина, Фонда 2006: 6].

В 1925 г. Е. И. Титов исследовал район Верхней Ангары. В устье левого притока Верхней Ангары р. Катеры в поселке Ченчи проживало около 600 эвенков вернеангарского рода Чильчагиров [Титов 1926: VI]. Некоторые записи по этому говору под руководством Е. И. Титова произвел представитель чильчагирского рода Федор Гурьевич Комарицын [Титов 1926: XIV]. Для данного говора характерно как шекание, так и секание в анлауте, а также последовательное шекание во всех инлаутных позициях.

■ **ʃ в анлауте:**

šiḡygaḡ, siḡi: (лит.) **sigī* ‘чаша’;
šiwoloshani ‘первая половина зимы’, *siḡэлэсэни:* (лит.) ‘поздняя осень’;
šamkol, so:mkəl (лит.) от **so:m-* ‘закрыть-IMPER2SG’;
šangar ‘дырявый’, *saḡa:p* (лит.) **saḡa-* ‘дыра’;
šənduk, se:nduk (лит.) **sian* ‘ухо’;
šərlɔduk ‘ноздри-PL-ABL’, *se:lɔɖuk* (лит.) ‘ноздри’, ср. с эвен. *hæ:lun*, нег. *se:lun*, уд. *salu(n-)* [ТМС II: 70].

■ **s в анлауте:**

so ‘настолько, в такой степени’, *so:* (лит.) **so:* ‘очень’;
sogondžomi, soḡomi (лит.) **soḡa* ‘плакать-IPFV-INF’;
solit, sologit (лит.) ‘верхнее течение.реки-ELAT’;
sonanduḡi ‘отверстие.юрты-PROL’, *so:na* (лит.) ‘верхнее дымовое отверстие в чуме’, ср. с эвен. *ho:nan*, нег. *so:na*, ороч. *so:ho*, ульч. *so:n-*, орок. *so:ho*, ма. *son* [ТМС II: 70];
suktywɔan, suktɔwɔan (лит.) ‘отстать-CVPURP-1PL.INCL’;
surudžimī, surudjami (лит.) **suri-* ‘уйти-IPFV-INF’;
syru, syru: (лит.) ‘олень-пороз’, ср. нег. *xira* [ТМС II: 96];
ssukà (Ш), *sukə* (лит.) **sak-pi* ‘топор’.

■ **ʃ в инлауте в консонантном кластере корня:**

ašadž’amī ašaran ‘догоняя гнал’, *ašadjami ašaran* (лит.) ‘гнать-IPFV-INF гнать-NFUT-3SG’;
ošilo ‘достаточно’, *esi:lə* (лит.) ‘хорошо! вот же!’ от **esi:* ‘сейчас’.

■ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса:**

ošin sururu, esin sururə (лит.) ‘NEG-NFUT-3SG уйти-IPFV-PNEG’;
mošaltɔki ‘в лес’, *mo:saltɔki:* (лит.) от *mo:* ‘дерево’ и суффикса собирательности *-sa* (*-sə*, *-so*);
noḡuonšel ‘братья’, *nəḡu:nəsəl* (лит.) от показателя собирательности *-sal*.

Наречие баргузинских эвенков

Баргузинский говор витимо-олекминского диалекта распространен в верхней части бассейна реки Баргузин. Секающий в своей основе, он включает говоры из соседних секающих и восточных секающе-хакающих диалектов [Василевич 1958: 616].

Во времена П. С. Палласа Баргузинский острог относился к Селенгинскому уезду. За острогом числилось более 1600 кочующих в степи ясачных тунгусов. В общей сложности в российской Даурии насчитывалось более 16000 бурят и тунгусов против 118000 русских обывателей мужского пола [Паллас 1788: 385]. Лексика, записанная в экспедиции П. С. Палласа, свидетельствует о секающем характере говора в анлауте и смешанном (секание и шекание) в инлауте.

■ **s в анлауте:**

sagàn (Ш), *səḡəvin* (лит.) **seḡep* ‘соболь-PS3SG’;
sangnjan (Ш), *saḡnjan* (лит.) **saḡnjan* ‘дым’;
schingari (Ш), *siḡarin* (лит.) **siḡa-(ri-)* ‘желтый’;
séen (Ш), *se:n* (лит.) **sian* ‘ухо’;
seljũkta (Ш), *silũkta* (лит.) **silu-kta* ‘кишка’;
sínin (Ш) ‘окно’, *siḡin* (лит.) **sigi-* ‘отверстие’;
sokdonnò (Ш), *sə:ḡdɔ:nɔ* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’;
sokdsjo (Ш) ‘дикий северный олень’, *səḡden* (лит.) **sig-* / *seg-* ‘домашний северный олень’;
sóktoum (Ш), *səktəvu:nmi* (лит.) ‘постель-PS1SG’ от **seg-* ‘подстилать’;
sölò (Ш), *sələ* (лит.) **sele* ‘железо’;
sũko (Ш), *sukə* (лит.) **sak-pi* ‘топор’;
suugi (Ш), *suḡi* (лит.) ‘буря’, ср. сол. *so:vi:*, эвен. *huji:*, нег. *soḡi:*, ороч., ульч., орок. *su:u:*, уд. *soḡi:*, нан. *so:u:*, ма. *su* [ТМС II: 119];
sũun (Ш), *sun* (лит.) **su:n* ‘зимняя одежда’.

■ **s в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

asátkan (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девушка, дочь’ от **asi:*;
esja (Ш), *э:са* (лит.) **hia-sa* ‘глаз’;
dawussùn (Ш), *давахун* (лит.) ‘соль’, ср. с п.-мо. **dabu-s*, бур. *dabha(n)*;
usi (Ш), *уси:* (лит.) **usi:* ‘веревка’.

■ **ʃ в инлауте в корневой интервокальной позиции:**

aschiw (Ш), *аси:в* (лит.) **asi:* ‘женщина, жена-PS1SG’;
öschi (Ш) ‘сегодня’, *эси:* (лит.) **esi:* ‘сейчас’;
óschikta (Ш), *о:сикта* (лит.) **xo:si-hta* ‘звезда’.

■ **ʃ в инлауте в корневом консонантном кластере:**

guskò (Ш), *гускэ* (лит.) ‘волк’;
toukschaki (Ш), *туксаки:* ‘заяц’ от **tuksa-* ‘бежать’.

■ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса -ksV:**

túksu (Ш), *туксу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugu-* ‘покрыться облаками, затянуться тучами’;
tyrukschò (Ш), *тырэ:ксэ* (лит.) **tiru-kse* ‘икра’.

■ **ʃ в инлауте в консонантном кластере суффикса -skV**

Показатель аллатива -*ski:* как вариант суффикса -*tki:* [Василевич 1958: 789]:
dschuláaschki (Ш), *дюлэ:ски:* (лит.) ‘вперед’;
amáschki (Ш), *амаски:* (лит.) ‘назад’.

■ **ʃ и s в инлауте в интервокальной позиции суффикса:**

Суффикс имени состояния и признака -*si:*-, ср. эвен. -*si-* [Василевич 1958: 778]:
japúschin (Ш), *епу* (лит.) ‘теплый’;
yüillischin (Ш), *гиллисин* (лит.) ‘холодный’.

Суффикс собирательности -*sa* (-*sə*, -*so*):
moosà (Ш), *мо:са* (лит.) ‘лес’ от *мо:* ‘дерево’.

В 1926 г. Н. Н. Поппе записал материалы баргузинского говора от слушателя подготовительного отделения Ленинградского института живых восточных языков П. Н. Баранова (1906 г. р.) из рода Галцо:hip [Поппе 1927: 2]. Помимо разработанной грамматики и составленного словаря, работа содержит записи текстов загадок, сказок и сказания (углур) о происхождении рода Галцо:hip. Поппе подчеркивает, что наречие баргузинских тунгусов весьма близко к исследованным в 1848 г. А. М. Кастреном урульгинскому и маньковскому наречиям [Поппе 1927: 4], сопоставимым с современным нерчинским говором витимо-нерчинского диалекта.

Опираясь на данные Н. Н. Поппе, В. А. Горцевская обращает внимание на ауслаутный ʃ в ряде слов: *əlakəʃ*, *элэкэ:с* (лит.) ‘сначала’, *artuʃ* ‘надштанники’. Шипящий рефлекс пражэвенкийского **s* встречается в составе посессивного суффикса 2SG (*akniwaf* ‘твоих старших братьев’) и показателя глагольной формы ближайшего будущего времени 2SG (*iʃedʒiŋo:ʃ* ‘видеть-IPFV.NFUT.2SG’; *girkudʒiŋaf* ‘ходить-IPFV.NFUT.2SG’) [Горцевская 1936: 22]. Кроме того, исследовательница рассматривает позиции, где ʃ вместе с другими согласными образует консонантные сочетания.

Так, В. А. Горцевская заключает, что баргузинский говор эвенкийского языка относится к говорам смешанного типа, в нем обнаруживаются свистящие сибиллянты в анлауте, шипящие сибиллянты в инлауте в составе консонантных кластеров, а также велярные спиранты в интервокальной позиции.

Эти фонетические черты отчасти находят соответствие в баргузинском говоре наших дней. Современное состояние баргузинского эвенкийского можно проследить по словарю, записанному от носительницы говора П. П. Дамбуевой⁴.

⁴ Материалы аудиального словаря доступны в виртуальной лаборатории «ЛингвоДок» (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1574/91767/perspective/1574/91773/view>).

Таблица 8. Рефлекс праэвенкийского *s в баргузинском говоре витимо-олекминского диалекта в диахронии

			П. С. Паллас, 1773	Н. Н. Поппе, 1926	П. П. Дамбуева
кровь	сэ:ксэ:	*sēgV-		so:ksə	sókso
спина	сэ:гдэ:ннэ	*sogda-nsa	sokdonno	sogdonno	sogdonno
Бог	сэвэки:	*sebe		səwəki:	
ноздря	сёлун	*saŋa-	ʃelon		saŋa:rin
бровь	саримйкта	*sarimī-		sarmikta	
ухо	се:н	*sian	séen	se:n	se:n
крик, вопль		*sag-	ʃogoún		
песок	сируги	*siru-		sirugi:	
глубокий	суŋта	*suŋta	ʃunta		
дыра	саŋа:р	*saŋa-	ʃagar'	saŋa:r	saŋa:r
чаща	сигй	*sigū		siyi:	
старый	сагды	*sag-da-	ʃagdi		
шуба	сун	*sūn		su:n	
лиса	сулакй	*sulakī		sulaki:	
желтый	сиŋарин, сиŋама	*siŋa-(ri-)		siŋama	
кишка	силукта	*silu-hta	sel'úhta	silukta	silúhta
окно	сигин			siji:n	
пьяный	сокто		soktó		
постель	сэктэву:н	*seg-	sóktoum	səktə	
дым	саŋнян	*saŋŋan	saŋŋan	saŋna	sáŋna
соболь	сэгэв	*segep	sagán		
налим	сёŋан	*siaŋa-		seŋan	
знать	сā-	*sā-		sa:kəl	sanni
шаман	самāн	*samā-n		sama:n	sama:n
веревка	уси:	*usī-	usi	uhi:	
глаз	э:са	*ńia-sa	es'ja	e:ha	éŋa
жена	аси:	*asī	aʃi	ahi:	
девочка	аса:тка:н	*asī	asátkan		
ноготь	оси:кта	*xosī-hta		ohikto	
звезда	о:сикта	*xōsi-hta	óʃikta, utamikta	o:hikta	o:hikta
кровь	сэ:ксэ:	*sēgV-	ʃokʃo		sókso
жир	иму:ксэ	*ximū-ŋkse		imu:kʃə	
икра	тырэ:ксэ, тысэ	*tiru-kse	tyrukʃə	tiru:kʃə	
заяц	туксаки:	*tuksa-	toukʃakí	tukʃaki:	
облако	туксу	*tuge-	túksu	tukʃu	túksu
волк	гускэ		guskó	gusko:, guʃko:	gusko:
назад	амаски:				amaskáki:

Наречие эвенков округа Якутска

Наименее прозрачным среди записанных П. С. Палласом наречий эвенкийского языка оказывается наречие эвенков округа Якутска. Если в случае с прочими наречиями удастся установить примерное место записи и родовую принадлежность информантов, то сделать подобные заключения относительно якутского наречия эвенкийского не представляется возможным. Как следует из путевых дневников П. С. Палласа, ни сам академик, ни члены его экспедиции не исследовали территорию Якутского округа. В словаре П. С. Палласа, записанном от якутских эвенков, в анлауте в основном проявляется шекание, однако есть и примеры секания, тогда как в инлауте проявляются *f* и *h*.

■ *f* в анлауте:

scháŋau (Ш), *сэгэв* (лит.) **segep* 'соболь';

schaktáun (Ш), *сэктэву:н* (лит.) 'постель' от **seg-* 'подстилать';

schángnjanj (Ш), *саунян* (лит.) **saŋŋan* ‘дым’;
schawaki (Ш), *сэвэки*: (лит.) **sebe* ‘Бог’;
schéle (Ш), *сэлэ* (лит.) **sele* ‘железо’;
schelókta (Ш), *силукта* (лит.) **silu-hta* ‘кишка’;
uu (П), *shi* (Ш), *си* (лит.) **si* ‘ты’;
schingerikàn (Ш), *сиңэрэ:кэ:н* (лит.) ‘мышь’, ср. эвен. *hiŋŋrkə:n*, нег. *siŋə:jə*; ульч., орок., нан. *сиңэрэ:*,
 ороч. *сиңэ*, ма. *сиңэхун*;
schogdóndo (Ш), *сэ:гдэ:ннэ* (лит.) **sogda-nsa* ‘спина’;
schoktòm (Ш), *соктом* (лит.) ‘опьянеть-NFUT.1SG’, ср. сол. *соктоо-*, нег., ороч., уд., ульч., орок.,
 нан., ма. *сокто-* [ТМС II: 106];
schonga (Ш) ‘жеребенок’, *со:нха:* (лит.) ‘оленок’, ср. с *со:нка:н* (лит.) ‘месяц отела оленей и вскрытия рек, май’;
schongóron (Ш), *соңорон* (лит.) **soŋa* ‘плакать-NFUT.3SG’.

■ **s в анлауте:**

ssigúnj (Ш), *сигун* [Василевич 1958: 350] **sigūn* ‘солнце’;
ssèn (Ш), *се:н* (лит.) **sian* ‘ухо’;
ssúgi (Ш), *суги* (лит.) ‘буря’, ср. сол. *со:ви:*, эвен. *hyji*; нег. *соуи*; ороч., ульч., орок. *су:и*; уд. *соги*;
 нан. *со:и*; ма. *су* [ТМС II: 119];
ssirjù (Ш) ‘жеребец’, *сиру:* (лит.) самец-производитель, ср. нег. *хира* [ТМС II: 96].

Примечательно, что в *ssjúka* (Ш), *сукэ* (лит.) **sak-pi* ‘топор’ праэвенкийское **s* подверглось палатализации, вероятно, под влиянием якутского языка. Палатализация *s*, предшествующего *i*, была отмечена в восточном наречии эвенкийского языка в п. Перевоз Бодайбинского района Иркутской области во время экспедиции под руководством О. А. Казакевич в 2018 г. В речи информанта-билингва (носителя якутского и эвенкийского языков) Нилова Геннадия Алексеевича (1944 г. р.) была отмечена глагольная форма *сюрюкэл*, *сурукэл* (лит.) **suri-* ‘уйти-IMPER2SG’. Данный глагол фигурирует в якутском наречии эвенкийского языка в записях П. С. Палласа с непалатализованным шипящим сибилантом: *schurugòtt* (Ш), *сурувом* (лит.) ‘уйти-IMPER1PL.INCL’. О губном притяжении в учуро-зейских диалектах восточного наречия под влиянием якутского языка свидетельствует также Г. М. Василевич: *юрюнджюрюн*, *уру:ндярэн* (лит.) ‘радоваться-NFUT-3SG’ [Василевич 1948: 263].

■ **ʃ в инлауте в интервокальной позиции:**

aschatkàn (Ш), *аса:тка:н* (лит.) ‘девочка, дочь’ от **asi:*;
aschi (Ш), *аси:* (лит.) **asi:* ‘женщина, жена’ (также указан вариант *ahi*).

■ **h в инлауте в интервокальной позиции:**

ahétta (Ш), *аси:кта* (лит.) **xasi:-hta* ‘ель’;
éha (Ш), *э:са* (лит.) **nia-sa* ‘глаз’.

■ **ʃ в инлауте в составе консонантного кластера в корне:**

guschka (Ш), *гускэ* (лит.) ‘волк’.

■ **-ksV > hV в суффиксе и корне:**

targáha (Ш), *тэргэксэ* (лит.) ‘одежда’;
tíha (Ш), *тырэ:ксэ* (лит.) **tiru-kse* ‘икра’;
túhu (Ш), *туксу* (лит.) ‘облако, туча’ от **tugu-* ‘покрыться облаками, затянуться тучами’;
tuháki (Ш), *туксаки:* ‘заяц’ от **tuksa-* ‘бежать’.

На сегодняшний день говоры эвенкийского языка, распространенные на территории Якутии, относятся к диалектам восточного наречия. По О. А. Константиновой, в говорах этого наречия в анлаутной позиции праэвенкийский **s* проявляется как *s* или *h*, тогда как для интервокальной позиции в инлауте характерен *h* [Константинова 1964: 4].

Однако материалы Г. М. Василевич [Василевич 1948: 263], а также других исследователей не подтверждают наличия анлаутного *h* в восточном наречии эвенкийского языка. Так, тексты, записанные от

носителей токкинского говора олекминского диалекта [Романова, Мыреева 1971], томмотского говора верхнеалданско-зейского диалекта [Романова, Мыреева 1962], майского и тоттинского говоров аянского диалекта и учурского говора учуро-зейского диалекта [Романова, Мыреева 1964]⁵, демонстрируют исключительно *s* в анлауте и *h* в инлауте: *sama:n* **samā-n* ‘шаман’, *sa:ra* **sā-* ‘знать-PNEG’, *sələmə* ‘сердце’, *sagdi* **sag-da-* ‘старый’, *əhi:* **esi:* ‘сейчас’, *ahi:* **asi:* ‘женщина, жена’.

В диссертации по тугуро-чумиканскому диалекту дальневосточных эвенков Т. З. Пукшанская указывает на соответствие анлаутного *s* в восточном диалекте и в говоре охотских эвенков: *си* ‘ты’, *сулаки:* ‘лиса’, *сен* ‘ухо’, *саран* ~ *сарэн* ‘знать-NFUT-3SG’ [Пукшанская 1956: 83]. Подобная дистрибуция подтверждается результатами экспедиции в Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края в 2019 г. под руководством О. А. Казакевич.

Данные секающе-хекающих селемджинского и джелтулакского диалектов Амурской области⁶ также не подтверждают наличие рефлекса праяэвенкийского *s в виде анлаутного *h* в восточном наречии эвенкийского языка: *се:рун* ‘радуга’, *сури:* ‘сиг’, *сэукирэ* ‘багульник болотный’, *о:хикта* ‘звезда’, *эхи:ткэ:н* ‘сейчас’, *ахи:ра:н* ‘любовница’.

Заключение

Рукопись А. М. Шегрена (список рукописи 1842 г.) представляет собой переработанные и расширенные словарные материалы П. С. Палласа (1773 г. записи, 1787—1789 гг. издания). По всей вероятности, А. М. Шегрен черпал данные из черновиков «Сравнительных словарей всех языков и наречий» П. С. Палласа. Список рукописи 1842 г. включает словари наречий мангазейских, енисейских, верхнеангарских, нерчинских, баргузинских, якутских эвенков, двух вариантов эвенского языка, а также маньчжурского языка. Однако говор эвенков рода Чапогир, который идет в словаре П. С. Палласа в отрыве от остальных эвенкийских наречий, не отражен в записях А. М. Шегрена. Стоит отметить, что списки Палласа и Шегрена дают первую наиболее полную картину по диалектам эвенкийского языка всех трех наречных ареалов: северного, южного и восточного. Неохваченными остаются, в частности, говоры групп эвенков, проживающих в Верховьях Лены, по Амуру и побережью Охотского моря.

Языковые данные эвенкийских словарей, записанных по заданию П. С. Палласа В. Ф. Зуевым на Енисее, позволяют выделить изофону шекания для бассейна Енисея по состоянию на 1773 г. Шипящий сибилант последовательно фигурирует во всех позициях: в анлауте, в инлауте в интервокальном положении, в составе консонантного кластера суффикса *-k/V*, а также в ауслауте. Этот ареал включает наречия эвенков Мангазеи, Енисейска и рода Чапогир.

Ранее в 1723 г. Д. Г. Мессершмидт записал говоры эвенков енисейско-туруханской, учамско-вивинской, нидымско-турыжской и илимпейско-кочомской групп. Списки зафиксированной Мессершмидтом лексики, в отличие от словарей П. С. Палласа, иллюстрируют не только шекание, но и секание, а также промежуточное между *s* и *f* шепелявое произношение сибиланта.

Позднее в экспедиции 1843—1844 гг. А. Ф. Миддендорф работал с эвенками, кочующими в районе озер бассейна р. Норилка. Материалы Миддендорфа, как и списки Мессершмидта, также не демонстрируют такого единообразия в отношении рефлекса праяэвенкийского *s, как лексика словарей П. С. Палласа. В записях А. Ф. Миддендорфа превалирует шекание, однако есть и примеры секания.

Картина последовательного шекания в говоре эвенков рода Чапогир, отраженная помощником П. С. Палласа в 1773 г., не совпадает с языковыми данными, записанными в этой местности Д. Г. Мессершмидтом в 1723 г. В отличие от шекающей лексики в словаре П. С. Палласа, в говоре нидымско-турыжской группы в записях Д. Г. Мессершмидта вместе с шеканием возникает чеканье.

На основе данных первых фиксаций говоров эвенкийского языка, распространенных на территории современных сымского диалекта, илимпейского и подкаменно-тунгусского диалектов, можно сделать выводы о характере изменения рефлекса праяэвенкийского *s с первой четверти XVIII в. по наши дни. В илимпейском диалекте северного наречия в диахронии прослеживается переход *s > f > h с сохранением сибиланта в виде *s* в ауслауте. Говор эвенков рода Чапогир относится к подкаменно-тунгусскому диалекту южного наречия. На сегодняшний день он демонстрирует смешанные черты хакания и секания в анлауте, представляя собой, таким образом, переходный вариант от зоны северного наречия к южному. Сымский диалект шипящего южного наречия неизменно сохраняет шекание на протяжении рассматриваемого периода.

⁵ Говоры и диалекты приведены в соответствии с номенклатурой, использованной А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой.

⁶ Данные взяты из Речевого корпуса эвенкийского языка (аннотированного): <https://linguacorporus.amursu.ru/>.

Карта 3. Рефлекс $*s$ в наречиях эвенкийского языка по словарям П. С. Палласа 1773 г. записи

Составленные П. С. Палласом словари говоров северобайкальских эвенков Верхней Ангары и забайкальских эвенков Нерчинска и Баргузина восточного наречия эвенкийского языка обнаруживают схожие фонетические и лексические черты. Записи П. С. Палласа указывают на шекающий характер верхнеангарского говора в XVIII в., тогда как полтора века спустя, в 1925 г., в ходе экспедиции Е. И. Титова проявилась тенденция к равной дистрибуции шекания и секания в анлауте, а также последовательному шеканию во всех инлаутных позициях.

Лексика, записанная в экспедиции П. С. Палласа от баргузинских эвенков, свидетельствует о секающем характере говора в анлауте и смешанном (секание и шекание) в инлауте. По материалам 1926 г., зафиксированным Н. Н. Поппе, в баргузинском говоре обнаруживаются свистящие сибиллянты в анлауте, шипящие сибиллянты в инлауте в составе консонантных кластеров, h в интервокальной позиции и шипящие в ауслауте. На сегодняшний день s проявляется в начальной позиции, в составе консонантных сочетаний имеет секающий характер, а в интервокальной позиции произносится как велярный спираント.

По материалам П. С. Палласа, в наречии нерчинских эвенков вне зависимости от последующего гласного рефлекс праэвенкийского $*s$ может реализоваться в анлауте и инлауте и как s , и как $\int$. В 1848 г. М. А. Кастрен отмечает, что в нерчинском говоре s перед i приобретает шекающий характер, но сохраняет секающее качество в остальных позициях. Лингвист отмечает в говоре нерчинских эвенков единичные случаи спирализации интервокального s под влиянием контактирующего с эвенкийским бурятского языка. Однако в нерчинском словаре П. С. Палласа рефлекс $*s$ в лексике, указанной А. М. Кастреном как пример $s > h$, сохраняет шипящий характер. Словарь, записанный в первой четверти XX в. Е. И. Титовым, показывает исключительно секающий характер говора, характерный для современных диалектов южного наречия эвенкийского языка.

Лексика словаря наречия якутских эвенков демонстрирует в анлауте шекание и отдельные примеры секания, в инлауте проявляется как $\int$, так и h . Примечательно, что в составе консонантного кластера sk

сибилянт имеет шипящий характер, а в случае *ks* переходит в *h*. Е. И. Убрятова и Н. Н. Широбокова обращают внимание на роль эвенкийского языка в развитии общетюркского *s в якутском языке. В современном литературном якутском языке в анлауте сохраняется *s*, а в интервокальном положении *s* > *h* [Широбокова 2001: 75]. Данная дистрибуция в восточном наречии эвенкийского языка, свойственная также якутскому и бурятскому языкам может быть рассмотрена как фонетическая черта циркумбайкальского языкового союза, сформировавшегося под влиянием длительных и разновременных контактов языков тунгусо-маньчжурской, тюркской и монгольской семей [Наделяев 1986: 3].

Сокращения

Я з ы к и

бур. — бурятский	п.-мо. — прамонгольский
вост. — восточное наречие эвенкийского языка	сол. — солонский
лит. — литературный вариант эвенкийского языка	уд. — удэгейский
ма. — маньчжурский	ульч. — ульчский
нан. — нанайский	эвен. — эвенский
нег. — негидальский	эвенк. — эвенкийский
орок. — орокский	якут. — якутский
ороч. — орочский	

Г л о с с ы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	NEG — отрицательный глагол
ABL — аблатив	NFUT — не будущее
CVPURP — деепричастие цели	PL — множественное число
DUR — дуратив	PNEG — причастие при отрицании
ELAT — элатив	PROL — пролатив
IMPER — императив	PRS — настоящее время
INCEP — инцептив	PS — посессив
INCL — инклюзив	RFL — рефлексив
INF — инфинитив	SG — единственное число
IPFV — имперфектив	

Л и т е р а т у р а

Андреев 1937 — Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири / Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 1. М.—Л., 1937. {*Andreev A. I. Works of G. F. Müller about Siberia / Müller G. F. The History of Siberia. Vol 1. Moscow — Leningrad, 1937.*}

Богораз-Тан 1927 — Богораз-Тан В. Г. Кастрен — человек и ученый // Памяти М. А. Кастрена: к 75-летию дня смерти. Л., 1927. С. 3—35. (Очерки по истории знаний. Вып. II). {*Bogoraz-Tan V. G. Castrén — a man and a scientist // In memory of M. A. Castrén: in commemoration of the 75th anniversary of death. Leningrad, 1927. P. 3—35. (Essays on the History of Knowledge. Issue II).*}

Бранч 2004 — Бранч М. Андерс Йохан Шёгрэн // Ред. Т. Вихавайнен. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004. {*Branch M. A. J. Sjögren // Ed. T. Vihavainen. Sata suomalaista pienoiselämäkertaa venäjäksi. Helsinki, 2004.*}

Булатова 2005 — Булатова Н. Я. Эвенкийский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т. 111. Москва, 2005. С. 446—458. {*Bulatoba N. Ya. Evenki Language // Languages of the Russian Federation and neighboring states. Encyclopedia. Vol. 111. Moscow, 2005. P. 446—458.*}

Бурыкин 1985 — Бурыкин А. А. Лингвистические материалы XVIII—XIX веков как источник изучения исторической диалектологии эвенского языка // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: тезисы V конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985. С. 32—34. {*Burykin A. A. Linguistic materials of the 18th—19th centuries as a source for studying the historical dialectology of the Even language // Areal studies in linguistics and ethnography: theses of the 5th conference on “Problems of atlas cartography”. Ufa, 1985. P. 32—34.*}

Василевич 1931 — Василевич Г. М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Советский Север. 1931, 10. С. 133—145. {*Vasilevich G. M. On the question of the Tungus migrating to the west of the Yenisei River // Soviet North. 1931, 10. P. 133—145.*}

Василевич 1948 — *Василевич Г. М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. {*Vasilevich G. M.* Essays on the dialects of the Evenki (Tungus) language. Leningrad, 1948.}

Василевич 1958 — *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. {*Vasilevich G. M.* Evenki-Russian Dictionary. Moscow, 1958.}

Горцевская 1936 — *Горцевская В. А.* Характеристика говора баргузинских эвенков: По материалам Н. Н. Поппе. М.—Л., 1936. {*Gortsevskaya V. A.* Characterization of the dialect of the Barguzin Evenki: Based on the materials of N. N. Poppe. Moscow—Leningrad, 1936.}

Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. Серия: Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LV. М., 1960. {*Dolgikh B. O.* Descent and tribal origin of the Siberian peoples in the 17th century. Series: Proceedings of the Institute of Ethnography. N. N. Miklouho-Maclay. Vol. LV. Moscow, 1960.}

Дыбо 2018 — *Дыбо А. В.* Дискуссионная заметка к статье О. Н. Морозовой, С. В. Андросовой, В. С. Гибалина «Есть ли дифтонги в ороchonском языке?» // Урало-алтайские исследования. 2018, 4(31). С. 257—267. {*Dybo A. V.* Discussion note on the article by O. N. Morozova, S. V. Androsova, V. S. Gibalin “Are there diphthongs in the Orochonian language?” // Ural-Altaic Studies. 2018, 4 (31). P. 257—267.}

Казакевич, Митрофанова, Рудницкая 2009 — *Казакевич О. А., Митрофанова Н. К., Рудницкая Е. Л.* Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов (Публикация 2-я) // Вестник РГГУ. 2009, 6. С. 286—323. {*Kazakevich O. A., Mitrofanova N. K., Rudnickaya E. L.* Life stories of the autochthonous population of Siberia: publication of glossed texts (2nd Publication) // Newsletter of RSUH. 2009, 6. P. 286—323.}

Константинова 1964 — *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.—Л.: Наука, 1964. {*Konstantinova O. A.* Evenki language. Phonetics. Morphology. Moscow—Leningrad: Nauka, 1964.}

Линденау 1984 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1984. {*Lindenau J. J.* Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century). Magadan, 1984.}

Маракуев 1877 — *Маракуев В. Н.* Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877. {*Marakuev V. N.* Peter Simon Pallas, his life, scientific works and travels. Moscow, 1877.}

Миллер 1937 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Том 1. М.—Л., 1937. {*Müller G. F.* The History of Siberia. Vol. 1. Moscow — Leningrad, 1937.}

Миллер 2009 — *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцише. М., 2009. {*Müller G. F.* The description of Siberian peoples / Ed. A. H. Elert, V. Hintsche. Moscow, 2009.}

Мищенко 2019 — *Мищенко К. О.* Рефлексы праэвенкийского *s в говорах эвенкийского языка в конце XVII в. и первой половине XVIII в. / «Урало-алтайские исследования». 2019. 3 (34). С. 72—84. {*Mischenkova K. O.* Reflections of the Proto-Evenki *s in the Evenki dialects in the late 17th century and the first half of the 18th century // Ural-Altaic Studies. 2019, 3(34). P. 72—84.}

Наделяев 1986 — *Наделяев В. М.* Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3—4. {*Nadelyaev V. M.* Circumbaikalic sprachbund // Studies on phonetics of Siberian languages and dialects. Novosibirsk, 1986. P. 3—4.}

Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всеъх языковъ и нарѣчій. Ч. I. СПб., 1787. {*Pallas P. S.* The comparative dictionaries of all languages and dialects. Part I. Saint Petersburg, 1787.}

Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Путешествіе по разнымъ провинціямъ Российскаго Государства. Ч. III. СПб., 1788. {*Pallas P. S.* Journey through various provinces of the Russian Empire. Part III. Saint Petersburg, 1788.}

Пекарский 1958—1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 1—3. Изд. 2-е. Л., 1958—1959. {*Pekarskij E. K.* Dictionary of the Yakut language. Vol. 1—3. 2nd edition. Leningrad, 1958—1959.}

Поппе 1927 — *Поппе Н. Н.* Материалы для исследования тунгусского языка: Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927. {*Poppe N. N.* Inputs for the study of the Tungusic language: Idiom of Barguzin Tunguses. Leningrad, 1927.}

Пукшанская 1956 — *Пукшанская Т. З.* Говор эвенков Тугуро-Чумиканского района. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1956. {*Pukshanskaya T. Z.* Idiom of the Evenki of the Tugur-Chumikan district. PhD Thesis. Leningrad, 1956.}

Роббек В. А., Роббек М. Е. 2015 — *Роббек В. А., Роббек М. Е.* Эвенско-русский словарь / Эвэды-нучиды торэ-рук. Новосибирск, 2015. {*Robbek V. A., Robbek M. E.* Even-Russian dictionary. Novosibirsk, 2015.}

Романова, Мыреева 1962 — *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Очерки токкинского и томмотского говоров / Под ред. Г. М. Василевич. М.—Л., 1962. {*Romanova A. V., Myreeva A. N.* Essays on Tokkin and Tommot idioms / Ed. G. M. Vasilevich. Moscow — Leningrad, 1962.}

Романова, Мыреева 1964 — *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.—Л., 1964. {*Romanova A. V., Myreeva A. N.* Essays on Uchur, Maya and Tottin idioms. Moscow — Leningrad, 1964.}

Романова, Мыреева 1971 — *Романова А. В., Мыреева А. Н.* Фольклор эвенков Якутии / Под ред. Г. М. Василевич. Л., 1971. {*Romanova A. V., Myreeva A. N.* Folklore of Evenki of Yakutia / Ed. G. M. Vasilevich. Leningrad, 1971.}

Сирина, Фонда 2006 — *Сирина А. А., Фонда Г. А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Ин-т

этнологии и антропологии РАН. М., 2006. {*Sirina A. A., Fondal G. A. Evenks of Northern Baikal and the construction project of the oil pipeline "Easteran Siberia — Pacific Ocean" // Studies on Applied and Urgent Ethnology. RAS, Institute of Ethnology and Anthropology. Moscow, 2006.*}

Спасский 1822 — *Спасский Г.* Забайкальские тунгусы // Сибирский Вѣстникъ. Вып. 18—20. СПб., 1822. {*Spasski G. Transbaikal Tunguses // Siberian Herald. Iss. 18—20. Saint Petersburg, 1822.*}

Титов 1926 — *Титов Е. И.* Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926. {*Titov E. I. Tungusic-Russian dictionary. Irkutsk, 1926.*}

ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. *В. И. Цинциус. Л., 1975.* {*Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Etymological Dictionary / Ed. V. I. Cincius. Leningrad, 1975.*}

Туркин 1994 — *Туркин А.* Российско-Финляндские гуманитарные чтения // *Linguistica Uralica.* 1994. Том 30. № 2. С. 156—157. {*Turkin A. Russian-Finnish humanitarian readings // Linguistica Uralica. 1994. Vol. 30. № 2. P. 156—157*}

Черемисов 1973 — *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973. {*Cheremisov K. M. Buryat-Russian dictionary. Moscow, 1973.*}

Широбокова 2001 — *Широбокова Н. Н.* Историческое развитие якутского консонантизма / Отв. ред. *Е. И. Убрытова.* Новосибирск, 2001. {*Shirobokova N. N. Historical development of consonantism in Yakut / Ed. Urbyatova E. I. Novosibirsk, 2001.*}

Шренк 1883 — *Шренк Л.* Обь инородцахъ Амурскаго края. Т. 1. СПб., 1883. {*Schrenck L. On the indigenous dwellers of the Amur Territory. Vol. 1. Saint Petersburg, 1883.*}

Khabtagaeva 2011 — *Khabtagaeva B.* Yakut elements of Mongolic origin in Evenki // *Ural-Altaic Studies.* 2011, 1 (4). P. 93—109.

Castrén 1839 — *Castrén M. A.* Dissertatio academica de affinitate declinationum in lingua fennica, esthonica et lapponica, etc. Helsingforsiae, 1839.

Castrén 1856 — *Castrén M. A.* Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Saint Petersburg, 1856.

Messerschmidt 1964 — *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Т. 2: Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 // Verbindung mit Zahlreichen Fachgelehrten Herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Berlin, 1964.

Schott 1836 — *Schott W.* Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836.

Wiedemann 1838 — *Wiedemann F. J.* Ueber die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mittelhochasiens: Einladung zur öffentlichen Prüfung im hiesigen Gymnasium am 27sten und 28sten Juni 1838. Reval, 1838.

Witsen 1705 — *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1705 (2de druk).